

18+

Александр Клыгин

33 мушкетера и Жемчужина Дао

Александр Клыгин

33 мушкетера и Жемчужина Дао

«Издательские решения»

Клыгин А.

33 мушкетера и Жемчужина Дао / А. Клыгин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514054-8

Постмодернистская повесть о мушкетерах, постигающих дзен, проходящих испытания в колесе Сансары и, конечно, спасающих Королеву от козней кардинала.

ISBN 978-5-00-514054-8

© Клыгин А.
© Издательские решения

Содержание

Королевский завтрак	6
Судьба дает шанс, но не деньги	8
Renaissance Business	9
Ясновидец из подворотни	10
Трудности из-за смены имен	11
Глупости просветленных не знают границ	13
Старые-новые приключения марсельского такси	15
Коротко о прогрессе	19
Как Рошфор помог д'Артаньяну, украв его письмо	21
Как д'Артаньян искал письмо, но не нашел	25
Наконец-то Париж!	27
Приемная сенция мушкетеров	28
Не-делание смерти	30
Пророчества сбываются, или Как появилась Венера Милосская	34
Как д'Артаньян нечаянно вылечил Атоса	37
Мэйд ин Чайна	38
О проблеме утилизации носовых платков	40
Дуэль	41
Магическая дуэль	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

33 мушкетера и Жемчужина Дао

Александр Клыгин

© Александр Клыгин, 2020

ISBN 978-5-0051-4054-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Клыгин – 33 Мушкетера и Жемчужина Дао

Королевский завтрак

Король-Солнце вышел к завтраку после утренней медитации. Этим утром вместе с Королем завтракали три буддийских монаха, семь членов парижской дзенской общины и сенцей королевских мушкетеров, почтенный бодхисаттва Лесли Нильсен.

– Ом мани падме хум! – поприветствовал собравшихся Король.

– Да пребудет с вами сила, Ваше Просветлейшество! – хором ответили собравшиеся.

– Что сегодня на завтрак? – спросил Король у своего личного повара, который стоял в ожидании рядом с накрытым столом.

Помощники повара только что ввезли в комнату столики на колесиках, уставленные закрытыми блюдами.

– Чай и пирожные, сэръ, – ответил повар, пока Король удобно устраивался в позе лотоса на своем обеденном троне с подушкой.

– У нас что, Англия? – спросил Король. – Почему чай? Во Франции полагается пить вино.

– Простите великодушно, Ваше Просветлейшество, но я полагал, что для вина еще слишком рано, – оправдался повар. – Впрочем, если хотите, я прикажу подать вино.

– Да ладно уж, подавай свой чай, – ответил Король. – Что ж, господа, раз уж мы с вами собрались за завтраком, почему бы нам не поболтать? Как у нас успехи со строительством пагоды в центре Парижа?

– Все идет своим чередом, Ваше Просветлейшество, – ответил один из буддийских монахов. – Только инженеры высказывают опасение, что эта постройка может рухнуть в случае урагана.

– За последние триста лет в Париже не было ураганов, – Король небрежно махнул рукой. – Пусть строят и дальше, пагода не упадет, если я не прикажу.

– Конечно, Ваше Просветлейшество! – сказал буддийский монах. – Однако один из ваших инженеров внес предложение построить пагоду не из дерева, а из металла, хотя я не представляю, как это можно осуществить.

– Что? – рассмеялся Король. – Пагоду из металла? О-хо-хо, это забавно! Кто же додумался до такого?

– Его зовут Эйфель, – ответил другой буддийский монах. – Он говорит, что если строить по его проекту, то пагода простоит тысячу лет. Шутник, n'est ce pas?

– Да, шутник, – согласился Король. – Вы только представьте, насколько смешна сама идея – пагода из металла! Ха-ха-ха! Да пройдет еще лет двести, прежде чем люди смогут построить нечто подобное. А впрочем, как-нибудь приведите ко мне этого Эйфеля. Спрошу у него, готов ли он ждать столько времени. Если готов, посадим его на эликсир бессмертия.

– На эликсир бессмертия?! – ужаснулся один из буддийских монахов. – Я почти уверен, Ваше Просветлейшество, что ни один смертный добровольно не захочет пить это целых двести лет!

– Мы уважаем право выбора даже у смертных, – улыбнувшись, сказал Король-Солнце. – Если этот человек захочет прославиться на века, мы должны предоставить ему такую возможность.

– Ему придется долго ждать возвращения в нирвану, – посоветовал другой буддийский монах.

– Ваши коллеги из дзенской общины знают, что следует потакать даже самым глупым желаниям человека, если он добровольно готов страдать ради их исполнения, – сказал Король. – Ведь не будет толку от пребывания в нирване человека, не реализовавшего свои желания.

– Конечно, Ваше Просветлейшество, – согласился один из членов дзенской общины. – Всем нам необходимо реализовывать свои желания, однако, насколько я знаю, по-настоящему в этом преуспели только вы.

– Надо использовать возможности, которые дала нам жизнь, – улыбнулся Король-Солнце. – Кстати, чудачества с обливанием прохожих краской на прошлой неделе – это ваша работа?

– Должны же монахи нашего ордена избавляться от привязанностей, – сказал другой член дзенской общины. – Мы потратили много краски, но что есть краска в сравнении с духовным прогрессом, который осуществили наши братья?

– Верно говорите, саньясин Ривьер, – сказал Король-Солнце. – Господа, а довольны ли вы замком, который я выделил для вашего ордена?

– Мы всем довольны, Ваше Просветлейшество, – сказал другой дзенский монах. – Только краска кончилась.

– Я выделю вам средства для новых проделок, – сказал Король. – Дело в том, что про случай с краской мне на днях рассказывал кардинал. Он жаловался, что несколько монахов его ордена, которые, как известно, носят черные рясы, были облиты красной краской. У него было такое лицо, что я не смог сдержать хохота, а кардинал к тому же, еще и разозлился. Мне доставило невероятное удовольствие видеть, как он пытается сдерживать свой гнев. Что ж, мы должны помогать идти по пути просветления даже таким заблудшим душам, как господин кардинал. Наверняка после аудиенции у меня он дал выход своему гневу и избавился от огромного количества негативной энергии. Я только искренне надеюсь, что никто из слуг не попался ему под руку. Честно говоря, немного жаль кардинала. Он рискует заработать много негативной кармы.

– Сам дурак, – коротко и ясно высказал общее мнение один из дзенских монахов.

– Это точно, – согласился Король. – Выпьем же чаю за человеческую глупость!

Все выпили.

– Друг мой, еще чаю! – приказал Король своему повару.

– Вы еще ничего сегодня не сказали о моих пирожных, Ваше Просветлейшество, – заметил повар.

– Ах, да! Твои пирожные превосходны, как всегда, – сказал Король. – Верно, господа?

– Конечно, конечно, пирожные просто прелесть! – хором закивали собравшиеся.

– Да, месье Нильсен, что-то я давно ничего не слышал про ваших мушкетеров, – сказал Король. – Кардинал уже две недели мне на них не жаловался! Что такое? У меня такое ощущение, будто я зря плачу вам жалованье! И кстати, как дела с пополнением рядов мушкетеров? Их все еще тридцать два?

– Тридцать два, Ваше Просветлейшество, – удрученно вздохнул бодхисаттва Нильсен.

– Ну, так в чем проблема? – недовольно спросил Король-Солнце. – Где тридцать третий? Что там с претендентами?

– Мы ищем, Ваше Просветлейшество, – ответил бодхисаттва Нильсен. – Всех претендентов мы отправляем либо в особый полк гвардейцев-саньясинов, либо в дзенскую общину. Мы ждем того самого, на которого указало пророчество.

– Ах, как мне надоел этот ваш лорд Дюмон с его пророчествами! – воскликнул Король. – Вечно предсказывает какую-то несурязицу. И что, ни один из претендентов в мушкетеры его не удовлетворяет?

– Лорд Дюмон не знает, как именно должен выглядеть ваш новый мушкетер, Ваше Просветлейшество, – сказал бодхисаттва Нильсен. – Но он составил точный список действий и подвигов, которые совершит этот тридцать третий мушкетер.

– И что? – спросил Король.

– Пока что никто не отличился, – со вздохом ответил бодхисаттва Нильсен.

Судьба дает шанс, но не деньги

Юный дзен-буддист д'Артаньян медитировал на стоге сена в позе дикой заснеженной вишни. Он намеревался совершить астральное путешествие в никому неизвестный Новый Мир, в земли Заокеанья, но неожиданно напоролся на большую черную тень. Д'Артаньян подумал было, что это черный призрак, охранявший земли Заокеанья, однако «призрак» вскоре принял обличье человека в черном плаще, шляпе и полумаске – типичной одежде королевских мушкетеров.

– Ну, и чего ты тут без дела болтаешься? – спросил дух. – Быстро чеши в Париж. Тебе суждено стать одним из королевских мушкетеров.

– Правда? – радостно воскликнул д'Артаньян. – Ура!!!

– погоди радоваться. Это сбудется только в том случае, если найдешь деньги на дороге, – сказал мушкетер и растворился в бесконечности.

Д«Артаньян открыл глаза и свалился со стога сена.

Денег на дорогу до Парижа у юного дзен-буддиста д'Артаньяна, само собой, не было. Он был бедным дворянином, жившим неподалеку от курортного городка Марселя. Д'Артаньян владел небольшим земельным наделом, доставшимся по наследству от предков, и парой деревень, от которых был один убыток, особенно с тех пор, как жители этих деревень начали практиковать дзен. Дело в том, что, начав практиковать учение дзен, они практически перестали работать, посвящая все свободное время активным медитациям. И напрасно д'Артаньян втолковывал им фразу из учебного пособия Ошо Раджниша «Как в короткий срок стать человеком дзен» о том, что просветленный человек не сидит без дела, а получает удовольствие и гармонию от привычных дел. Крестьяне продолжали снабжать д'Артаньяна и его единственную лошадь продуктами питания, однако об излишках речи не было. В итоге наш герой третий месяц сидел на диете, практически отказавшись от употребления мясных блюд, как и полагается настоящему человеку дзен (об этом в учебнике не было сказано, но д'Артаньян проконсультировался в марсельском отделении дзенской общины и получил добро).

Что ж, поскольку денег на дорогу до Парижа д'Артаньяну взять было негде, он решил поехать хотя бы в Марсель, а уж там подумать, что к чему. Дорога в Париж шла как раз через Марсель, и д'Артаньян так или иначе приближался к заветной цели.

Renaissance Business

Подъезжая к Марселю, д'Артаньян увидел аквапарк, где резвились немецкие, испанские и итальянские туристы. В порту уже несколько дней стоял английский военный корабль, экипаж которого, воспользовавшись затянувшимся ремонтом, занял все места в дорогой гостинице. Все VIP-отели были забронированы испанцами и португальцами, которые везли из Нового Мира столько же золота, сколько немцы везли пива из своей Германии. Хотя нет, пива у немцев все-таки было меньше.

На марсельской набережной сидела шеренга уличных художников, предлагавшая туристам за считанные минуты нарисовать их портрет на фоне моря, гор или чего-нибудь более экзотического. Посреди набережной топтался верблюд, а рядом умельцы предлагали желающим запечатлеть их верхом на верблюде. Чуть дальше стояли испанцы с полным набором рабов – арабов, негров и индейцев. Испанские художники предлагали портреты с кем-нибудь из рабов (раб ложился на землю, а клиент вставал на него). Особенно большим спросом пользовались картины с индейцами в перьях, потому что большинство европейцев вообще никогда не видело индейцев.

Д'Артаньян проезжал по одной из улиц Марселя, и тут его лошадь чуть не была сбита штукой, которую марсельцы называли «такси». Д'Артаньян едва успел свернуть в переулок, когда мимо него пронеслось это единственное в Европе средство общественного транспорта. «Такси» принадлежало бывшему кучеру герцога Марсельского, который кормил своих лошадей чем-то таким, что лошади при первом же щелчке кнута с невероятной скоростью срывались с места. От такой быстрой езды у кареты «такси» периодически отваливались колеса, однако кучер покрывал расходы – сначала за счет герцога Марсельского, а когда герцог выгнал кучера вместе с его транспортом, тот начал возить за большие деньги туристов.

Однако все это д'Артаньян узнает немного позже, а сейчас он и его лошадь застыли в переулке с открытыми ртами. Такими их увидели дежурные жандармы под предводительством лейтенанта Крюшо, маленького лысого старичка, который постоянно был в дурном настроении, главным образом, из-за проделок «такси». Лейтенант Крюшо, увидев д'Артаньяна, застывшего с открытым ртом, остановил свой взвод и спросил:

– Куда он поехал?

Д'Артаньян, не закрывая рта, показал направление.

– Вперед, жандармы! – приказал Крюшо, и жандармы поскакали по следам «такси».

– Ну, ничего! – донеслись до д'Артаньяна слова Крюшо. – Негритянских рабов-нудистов поймали, поймаем и ненормального кучера!

Жандармы ускакали догонять такси, а д'Артаньян отправился в марсельское отделение дзенской общины, надеясь выбить из нее немного денег, благо у дзенских общин всегда находились деньги на всякие глупости.

Ясновидец из подворотни

Дзенская община занимала большой особняк, который вполне мог бы сойти за дворец, если бы кто-нибудь взялся его реставрировать. Однако члены дзенской общины Марселя пока что не выражали желания жить во дворце (занимались отработкой других желаний), поэтому их обитель напоминала дворец «сэконд-хэнд» 20 лет спустя после открытия.

Д«Артаньян, спешившись у ворот особняка, крикнул:

– Эй, есть кто-нибудь?

Никто не ответил. Д'Артаньян подумал, что перед воротами должен был бы быть привратник, однако привратника не обнаружилось – ни перед воротами, ни поблизости.

– Я спрашиваю, есть кто-нибудь? – крикнул д'Артаньян еще громче. – Где привратник?

Из кустов по ту сторону ограды донесся храп. Д'Артаньян снял сапог и швырнул его через ограду в кусты.

– Ай! – сказали кусты.

– Открывай дверь, лентяй! – крикнул д'Артаньян. – И верни сапог!

– Поспать не дают! – ответили кусты, после чего на усыпанную гравием дорожку выполз сонный привратник.

Вместо шляпы на голове привратника красовался сапог д'Артаньяна.

– Вам чего надо? – спросил привратник, перейдя в прямостоячее положение.

– Я – саньясин д'Артаньян, и я пришел в дзенскую общину для того, чтобы мне помогли растолковать сновидение, – ответил д'Артаньян, принимая торжественную позу и забыв о том, что для торжественной позы ему не хватает одного сапога.

– А я как раз главный специалист по технике сновидения, – сказал привратник. – Можете рассказать мне все, что вы видели.

– Вы разве не привратник? – спросил д'Артаньян.

– Я тут один на две ставки, – ответил привратник.

– Все равно мне нужно поговорить с руководством общины, так как я намереваюсь попросить у вас денег, – сказал д'Артаньян.

– Денег? – переспросил привратник. – В таком случае, господин д'Артаньян, можете разворачиваться и отправляться обратно в деревню, потому что я-то знаю, что денег вам все равно не дадут. Ребята выдумали новый слоган – «Экономика должна быть экономной».

– Что это значит? – спросил д'Артаньян.

– Понятия не имею, – ответил привратник. – Только денег вам не видать.

Д«Артаньян начал терять терпение и выхватил шпагу. Прежде чем привратник успел испугаться, д'Артаньян схватил его левой рукой за шиворот, а правой рукой приставил шпагу к горлу привратника.

– Значит так, слушай меня, ясновидец подворотный! – крикнул д'Артаньян. – Я – будущий королевский мушкетер, а мушкетеры, как ты знаешь, весьма значимые люди в нашем королевстве. Так что в твоих интересах быть со мной вежливым, иначе я проткну тебя шпагой, не моргнув глазом.

– Хорошо, хорошо, мой господин, приказывайте! – закивал испуганный привратник. – Что я должен делать?

– Ворота открой, – приказал д'Артаньян.

– Ваша взяла, – пробормотал привратник, открывая ворота.

Д«Артаньян забрал свой сапог с головы сновидящего привратника и направился к особняку, ведя лошадь на поводу. Привратник, поворчав, запер ворота и отправился в кусты, совершенствовать практику сновидения.

Трудности из-за смены имен

Самым высоким духовным статусом в марсельской дзенской общине обладал бодхисаттва де Гарньер, взявший себе имя по названию деревни, где он родился. Правда, имя он пару раз корректировал, чтобы соответствовать моде – дзенские монахи не имели большой привязанности к именам, и некоторые члены общины меняли имена по двадцать раз в год.

Так вот, бодхисаттва де Гарньер медитировал в саду булыжников (для настоящего сада камней не нашли подходящих камней) и почти достиг нирваны, когда его окликнул один из членов общины.

– В чем дело? – раздраженно спросил бодхисаттва де Гарньер, вставая на ноги из позы лотоса. – Я же просил не отвлекать меня во время медитации! Что случилось, Ришар?

– Простите великодушно, бодхисаттва, но я со вчерашнего дня уже не Ришар, – сказал не-Ришар.

– А кто же ты теперь? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Теперь меня зовут Бомон, – ответил Бомон.

– Но у нас уже и так три Бомона! – воскликнул бодхисаттва де Гарньер. – Как я вас теперь буду различать? Может, дать вам порядковые номера?

– Два Бомона сегодня с утра переименовались, – ответил новый Бомон.

– В кого? – с ужасом спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Не помню, – ответил новый Бомон.

– Ладно, черт с вами, зовите, как хотите, вы, типа, имеете на это право, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Так зачем ты вытащил меня из нирваны? Надеюсь, не для того, чтобы сообщить мне обо всех ваших переименованиях?

– Нет, бодхисаттва, там к вам пришел человек, – ответил Бомон.

– Почему Гастон его не принял? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Какой Гастон? – спросил Бомон.

– Ах да, он тоже недавно переименовался, – вспомнил бодхисаттва де Гарньер. – Как теперь зовут моего заместителя?

– Кажется, Александр, – ответил Бомон.

– Его еще звали Жаком, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

– На прошлой неделе, – поправил его Бомон. – Это было перед тем, как он переименовался в Франсуа.

– Сам черт ногу сломит! – выругался бодхисаттва де Гарньер. – Так почему Франсуа не принял этого...

– Он Александр, – поправил Бомон.

– Кто? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Ну, этот, который был Гастон, – ответил Бомон.

– Он же вроде бы Жак, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

– Нет, он был Франсуа, – сказал Бомон. – А потом Гастон. А еще Александр.

– И Жак, – добавил бодхисаттва де Гарньер.

– И Людовик, – добавил Бомон.

Бодхисаттва де Гарньер понял, что надо сказать что-нибудь умное, чтобы сохранить свой статус.

– Как же много нам еще надо самосовершенствоваться, если мы не можем запомнить даже, кого из нас как зовут, – умиротворяюще вздохнул бодхисаттва де Гарньер. – Отведи меня к тому посетителю, который сумел прорваться через ворота, а потом отправляйся на две недели медитации в башню, брат Бомон.

- Спасибо, бодхисаттва, я давно хотел отдохнуть в башне, – сказал Бомон. – А как вы узнали, что он прорвался через ворота?
- Кто? – спросил бодхисаттва де Гарньер.
- Ну кто-то же через них прорвался, – ответил Бомон.
- А, ну так я ж бодхисаттва, – ответил бодхисаттва де Гарньер таким тоном, что эта фраза сняла абсолютно все сомнения как у Бомона, так и у самого де Гарньера.

Глупости просветленных не знают границ

Д«Артаньян уже битый час сидел в приемной, пока бодхисаттва де Гарньер и саньясин Бомон выясняли, кого как зовут. Однако жаловаться д'Артаньяну было не на что, потому что диванчики в приемной были весьма мягкими. Мимо д'Артаньяна бегали взад-вперед дзенские монахи в разноцветных одеяниях. Из их разговоров д'Артаньян понял, что брат Версаче ощутил страшное желание побыть модельером. Его поддержал брат Карден, а саньясин Кристиан Диор, по совместительству садовник, решил помочь им и украсить братьев цветами с собственной клумбы, а заодно и надушить всех цветочным маслом.

От саньясина-садовника не увернулся и д'Артаньян – когда саньясин Диор пробежал мимо диванчиков и заметил д'Артаньяна, на д'Артаньяна было вылито треть флакона розового масла и полфлакона фиалкового. Хотя д'Артаньяну процедура не понравилась, пахнуть он стал гораздо лучше, что отметил сам бодхисаттва де Гарньер, войдя в собственную приемную.

– А что, неплохо пахнет! – сказал бодхисаттва де Гарньер, принявшись. – От кого это?

– От меня, – ответил д'Артаньян. – Один из ваших братьев вылил на меня два флакона цветочного масла.

– Опять саньясин Диор хулиганит, – вздохнул бодхисаттва де Гарньер.

– Вы еще не видели последнюю моду брата Кардена, – сказал Бомон.

– И не хочу видеть, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Пусть ребятня без меня балуется.

– Вот к вам саньясин д'Артаньян, – сказал Бомон. – У него какое-то сновидение.

– А, д'Артаньян, помню-помню, вы у меня, кажется, брали учебник, талисманы и еще что-то, кажется, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Пройдемте в мой кабинет.

Они вошли в кабинет бодхисаттвы де Гарньера. С первого взгляда это было мало похоже на кабинет, по крайней мере, на то, что европейцы привыкли считать кабинетом. На полу в «кабинете» валялось несколько пуфиков и циновок, на стенах висели полки, на которых стояли статуэтки, палочки благовоний, дощечки с изображением десяти быков дзен и фотография Ошо Раджниша, несмотря на то, что на дворе стоял семнадцатый век, и фотографий еще в природе не было.

– Присаживайтесь, – сказал бодхисаттва де Гарньер, усаживаясь в позу лотоса на один из пуфиков. – Ну что ж, расскажите мне ваше сновидение.

– Я сразу понял, что это весьма необычное сновидение, – сказал д'Артаньян. – Поэтому и пришел к вам, чтобы растолковать его. Так вот, я видел во сне человека, одетого в форму королевского мушкетера, и он сказал мне, чтобы я ехал в Париж и тоже стал королевским мушкетером. А еще он сказал, что это сбудется только в том случае, если я найду денег на дорогу. Поэтому я и пришел к вам, чтобы попросить о небольшой ссуде. Уверю вас, что когда я стану королевским мушкетером, я верну вам все с процентами.

– Я слышал, что Париж уже трещит по швам от желающих стать королевскими мушкетерами, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер. – Осталось всего одно место, на которое более тысячи претендентов. Почему вы уверены, что это место достанется именно вам?

– А я и не уверен, – ответил д'Артаньян. – Но надо же следовать указаниям, полученным в сновидении.

– Верно, указаниям следовать надо, – согласился бодхисаттва де Гарньер. – Однако у нашей общины сейчас нет средств, чтобы отправить вас в Париж.

– Неужели нельзя ничего придумать? – спросил д'Артаньян.

– Мы уже три раза в этом году собирали налог с кардинальских деревень, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – И планируем содрать с них налоги еще пару раз до конца года. А устраивать им дополнительные поборы было бы как-то невежливо, по крайней мере, я так думаю. Бедолаги и так сполна платят за свое религиозное упрямство. Правда, нельзя называть их бедола-

гами, так как страдания составляют для них величайшее наслаждение. Представьте только, они верят, что после смерти они будут в раю, а нас все в какой-то ад пытаются отправить. Не хотелось бы их разочаровывать. Представляю, какие у них будут лица в Зале Памяти и Комиссии по распределению.

– А мне-то что делать? – спросил д'Артаньян.

Бодхисаттва де Гарньер посмотрел на д'Артаньяна, потом вспомнил парочку пророчеств и еще раз посмотрел на д'Артаньяна.

«Не, этот не сможет, – подумал бодхисаттва де Гарньер. – С другой стороны дурак сам напросился».

– Знаете, есть одна возможность, – сказал бодхисаттва де Гарньер, вставая с пуфика и доставая из кучи разного хлама плакат.

На плакате было написано:

За поимку бешеного такси
награда – мешок золота!
Лейтенант Крюшо.

– Можете попробовать поймать такси, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Мешка золота вполне хватит на дорогу в Париж и обратно.

Д'Артаньян немного подумал.

– Я смогу поймать такси, – сказал он. – Но только если вы одолжите мне десять золотых монет.

– Зачем? – спросил бодхисаттва де Гарньер.

– Я верну их вам с процентами, – ответил д'Артаньян.

– Пришлете из Парижа? – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер.

– Нет, – ответил д'Артаньян. – Я получаю мешок с золотом и отдаю вам половину. А еще мне понадобится помощь парочки ваших братьев.

– Зачем? – повторил бодхисаттва де Гарньер.

– Чтобы поймать такси, – ответил д'Артаньян. – Послушайте, вы хотите заработать полмешка золота?

Бодхисаттва де Гарньер прикинул, сколько денег лейтенант Крюшо положит в мешок. Это, конечно, поменьше, чем королевский взнос на развитие общины, но все же побольше, чем очередной сбор налога с кардинальских деревень. Поэтому бодхисаттва де Гарньер ответил:

– Ладно, я даю вам десять золотых монет и двух братьев. Но я сам буду следить за всеми вашими действиями.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян. – Уже сегодня вечером я стану богатым человеком. Да и вы тоже.

– Надеюсь, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

Старые-новые приключения марсельского такси

Бодхисаттва де Гарньер и д'Артаньян вышли в парк, принадлежащий дзенской общине. В парке резвились братья и саньясины, разодетые в разноцветные шелка и другие ткани (братья Версаче и Карден постарались). Кроме того, по парку бегал саньясин Диор и поливал всех цветочным маслом.

– Ну что ж, д'Артаньян, выбирайте, кто вам больше нравится, – сказал бодхисаттва де Гарньер, показывая на разношерстную толпу братьев.

– Братья, кто желает сегодня устроить классный прикол за городом? – крикнул д'Артаньян.

Мгновенно со всего парка сбежалось человек пятнадцать.

– Однако мне нужны только двое, – сказал д'Артаньян собравшимся.

– Значит, придется взять человек пять, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер. – Ну что, парни, давайте на камень-ножницы?

Через пять минут остались необходимые пять человек, а остальные разбежались по парку.

– Ну что ж, д'Артаньян, теперь говорите, что надо делать, – сказал бодхисаттва де Гарньер.

– Захватите с собой пилу и парочку топоров, мы поскачем в лес по Парижской дороге, – сказал д'Артаньян. – Надо будет срубить пару деревьев.

– У меня нет желания рубить деревья, – сказал один из братьев. – Я не участвую.

– Отлично, – сказал бодхисаттва де Гарньер и крикнул. – Эй, братья, у кого есть желание порубить деревья?

К ним подбежали еще три человека.

– Прекрасно, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Ну что ж, поскакали!

– Не забудьте захватить монеты, – сказал д'Артаньян.

– А у вас хорошая память, – пробормотал бодхисаттва де Гарньер.

Итак, д'Артаньян, бодхисаттва де Гарньер и несколько братьев дзенской общины скакали по Парижской дороге. Д'Артаньян вооружился своей шпагой, у братьев были топоры и пила, а бодхисаттва де Гарньер просто напялил парадную мантию от Кардена. То есть, раньше это была просто парадная мантия, но недавно над ней основательно поработал брат Карден. Так вот, когда они въехали в лес, д'Артаньян начал присматриваться к деревьям, растущим на обочине дороги. Наконец, он присмотрел два высоких дерева, росших по разным сторонам дороги на некотором расстоянии друг от друга, и крикнул:

– Стой!!!

Кортеж дружно остановился.

– Значит, так. Начинайте рубить вот эти два дерева – скомандовал д'Артаньян. – Причем подрубите их не до конца. Я сейчас вернусь в Марсель и вызову такси. Уважаемый бодхисаттва де Гарньер, десяти золотых монет хватит, чтобы вызвать такси?

– Да должно хватить, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – Только такси еще поймать надо.

– А где его лучше ловить? – спросил д'Артаньян.

– Попробуйте в порту, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – Только сначала уведите оттуда всех жандармов.

– Сделаю, – сказал д'Артаньян. – Короче говоря, вы пока рубите деревья. Как только увидите, что сюда приближается такси, валите поперек дороги сначала вон то дерево, а когда такси остановится, свалите и вот это. После этого нам останется только вызвать полицию. Как бы это сделать?

- Телепатически, – ответил один из братьев.
- А ты сможешь? – спросил д'Артаньян.
- Запросто! – ответил брат.
- Хорошо, тогда я поскакал, – сказал д'Артаньян.
- Если вздумаете сбежать с деньгами, община вас найдет, – сказал бодхисаттва де Гарньер вслед д'Артаньяну. – Телепатически.
- Хорошо зная дзенскую общину, я даже не думал об этом – ответил д'Артаньян.

Где-то через час д'Артаньян прискакал в Марсельский порт. Там по-прежнему резвились туристы, а лейтенант Крюшо на лошади рассекал толпу пешеходов, как ледокол рассекает арктические льды. Д'Артаньян пробился сквозь толпу к лейтенанту Крюшо и крикнул:

– Лейтенант! Я только что видел такси, которое направлялось к выезду из города в сторону Парижской дороги.

– В сторону Парижской дороги, говорите? – переспросил Крюшо. – Отлично! Мы сейчас поставим на него засаду. Однако, молодой человек, а что это вы так рветесь помочь Марсельской полиции?

Д'Артаньян вместо ответа достал из кармана плакат и развернул его. Крюшо узнал собственную подпись на обещании мешка с золотом.

– Молодой человек, я, конечно, ценю вашу помощь, но о мешке золота не может быть и речи. Такси мы поймаем сами! – гордо заявил Крюшо.

– Буду рад любому вознаграждению, лейтенант! – сказал д'Артаньян, после чего Крюшо ускакал к полицейскому участку.

Д'Артаньян осмотрелся и разглядел неподалеку несколько саньясинов из дзенской общины.

– Эй, ребята, – крикнул он. – Хотите получить вознаграждение от бодхисаттвы де Гарньера?

– Хотим! – хором крикнули саньясины.

– Тогда отведите мою лошадь в конюшни дзенской общины, – сказал д'Артаньян, спешиваясь.

– А где гарантии, что бодхисаттва де Гарньер даст нам это самое вознаграждение? – спросил один из саньясинов.

– Даю слово дворянина! – ответил д'Артаньян.

– Спокойно, ребята, – подал голос один саньясин. – Я сегодня видел этого парня у бодхисаттвы. Чувствую, ему верить можно.

– Я рад, что вы рады мне помочь, – сказал д'Артаньян, отдавая лошадь саньясинам и отправляясь на прогулку по набережной.

Ожидания д'Артаньяна оправдались – не прошло и получаса, как на набережной появилось «такси». Кучер с трудом придерживал своих взбесившихся лошадей.

– Наше такси доставит вас в любую точку Марселя за считанные минуты! – кричал кучер, рекламируя свое транспортное средство. – И только у нас самый богатый ассортимент бумажных пакетов! – добавил кучер, поглядев на вывалившегося из кареты пассажира с бумажным пакетом в руках.

Д'Артаньяну хватило ума обойти карету сзади, чтобы не попасть под копыта лошадям.

– Мне срочно нужно в ближайшую деревню по Парижской дороге, – сказал он, запрыгивая в карету.

– Эй, приятель, не так быстро, – сказал кучер. – У тебя есть чем платить?

– Вот, держи, – сказал д'Артаньян, протягивая кучеру десять золотых монет. – Заплачу еще столько же на месте.

– Вот это разговор! – улыбнулся кучер. – Н-но, пошли!

Он щелкнул кнутом, и лошади понеслись, сбив по дороге пару-другую незадачливых туристов.

Обогнав отряд лейтенанта Крюшо и обдав самого Крюшо грязью из лужи, такси пронеслось по Парижской дороге. Обалдевший Крюшо прищпорил лошадь, однако ему было далеко до скакунов, возивших «такси». Д'Артаньян, видя, что они приближаются к месту, попытался обнажить шпагу. Только с пятой попытки у него это получилось – следовало бы учесть ухаби-стость дороги.

Сидя в позе лотоса, бодхисаттва де Гарньер мирно наблюдал, как его саньясины подрубают деревья. Таким образом, он избавился от еще одного из своих желаний. Дело в том, что бодхисаттва де Гарньер давно мечтал сидеть в позе лотоса и смотреть, как другие работают вместо него. Однако, медитация бодхисаттвы де Гарньера продолжалась недолго – вдалеке показался быстро приближающийся столб пыли.

– Приготовились! – крикнул бодхисаттва де Гарньер. – Это такси! Рубите первое дерево!

Саньясины начали весело орудовать топорами. Вскоре на дорогу рухнул толстый ствол дерева, который не смогла бы объехать ни одна карета.

– А теперь приготовьтесь валить второе, – крикнул бодхисаттва де Гарньер.

Еще через пару минут столб пыли материализовался в виде лошадей, кареты и кучера. В карете сидел д'Артаньян, державший в одной руке шпагу, а в другой – бумажный пакет. Увидев поваленное дерево, кучер натянул поводья. Послышалось энергичное:

– Тп-р-р-уу!!!

Д'Артаньян довольно сильно тряхануло, и он едва-едва успел поднести к лицу бумажный пакет. Такси остановилось.

– Спокойно! – крикнул кучер. – Я тут одно приспособление изобрел, «задний ход» называется!

– Не выйдет! – сказал д'Артаньян, вышвыривая в окно бумажный пакет, хватая кучера и приставляя к его горлу шпагу. – Вы арестованы.

Кучер хотел резко дать задний ход, но услышал треск – саньясины наконец-то повалили второе дерево.

– Черт побери, вы меня обхитрили! – воскликнул кучер. – Придется снабдить карету более хитрым приспособлением. Один итальянец, да Винчи, изобрел штуку, которая называется «катапультной». Надо будет поставить ее на мое такси для экстремальных случаев.

– Ну, я уж не знаю, что вы там поставите, однако я знаю, что лейтенант Крюшо будет очень рад с вами побеседовать, – сказал д'Артаньян.

И в самом деле, они услышали сбившийся с ритма перестук копыт уставших полицейских лошадей.

– Bravo, месье д'Артаньян! – сказал бодхисаттва де Гарньер, выходя из кустов. – Признаться честно, я не думал, что у вас получится. Так и быть, напишу вам рекомендательное письмо для сенцея королевских мушкетеров Лесли Нильсена. Думаю, ему будет интересно узнать про эту историю.

– Кстати, вот ваши золотые монеты, – сказал д'Артаньян, обшаривая карманы кучера. – Возвращаю их вам, как и обещал.

– Благодарю вас, – сказал бодхисаттва де Гарньер, принимая деньги. – Однако половина золота из мешка все равно моя. Вы ведь не хотите испортить отношения с дзенскими общинами по всей Франции?

– Конечно, не хочу, – сказал д'Артаньян. – Мы с вами поделим все по-честному, как и договаривались.

Пока д'Артаньян и бодхисаттва де Гарньер делили шкуру неубитого медведя, показался лейтенант Крюшо вместе со всем своим отрядом. Лейтенант был с головы до ног покрыт грязью. Несмотря на это, можно было заметить, как лейтенант покраснел от ярости.

Коротко о прогрессе

На следующее утро д'Артаньян после ночи, проведенной в одной из лучших комнат особняка, занимаемого членами дзенской общины, снова явился в приемную бодхисаттвы де Гарньера.

Бодхисаттва де Гарньер принял д'Артаньяна, зевая.

– А почему вы еще здесь? – удивленно спросил он, сфокусировав взгляд на д'Артаньяне. – Я думал, вы уже во весь опор скачете в Париж, чтобы стать королевским мушкетером.

– Насколько я помню, вы обещали мне рекомендательное письмо к сенцею королевских мушкетеров, – ответил д'Артаньян. – За ним я и зашел к вам сегодня.

– Ах, да, письмо, – зевнул бодхисаттва де Гарньер. – Сейчас-сейчас... и куда я подевал свою печатную машинку? – пробормотал он, озираясь по сторонам.

– Вашу... что? – спросил д'Артаньян.

– А, это было сновидение, – вспомнил бодхисаттва де Гарньер. – Значит, опять придется полагаться на бумагу, перо и чернила.

– А что, в будущем появится способ писать как-то иначе? – удивился д'Артаньян.

– В будущем, дорогой мой д'Артаньян, появится столько нового, что даже вы мне не поведали бы, если бы я вам рассказал, – сообщил бодхисаттва де Гарньер. – Ну, хотя, что я вам рассказывать буду? Вот, станете королевским мушкетером – сами все узнаете.

– Правда? – спросил д'Артаньян. – Так значит, вы тоже верите, что я стану королевским мушкетером?

– Я не верил в это, пока не получил свое золото, – усмехнулся бодхисаттва де Гарньер, начиная писать письмо. – Теперь надо подумать, на что его потратить. Сад камней надо бы обновить – сколько раз я говорил, что пора завозить настоящие камни для сада камней, прямо из Японии! А с местными булыжниками достигнуть полного просветления намного труднее!

– А где эта Япония? – спросил д'Артаньян.

– Далеко, – ответил бодхисаттва де Гарньер. – На самом краю Земли. А в последнее время вообще слухи ходят, что Земля круглая. Черт побери, прогресс скачет с такой скоростью, что скоро мы перестанем за ним поспевать! Тысячу лет Земля была квадратная, потом прямоугольная, а теперь – на тебе – круглая! Эти ученые своими теориями что угодно в гроб загонят!

– Вы пишите-пишите, не отвлекайтесь, – подсказал д'Артаньян.

– Да я уже закончил, – сказал бодхисаттва де Гарньер, сворачивая письмо и запечатывая его своей фирменной печатью. – Держите это письмо, д'Артаньян, и только попробуйте его не потерять!

– Обещаю, бодхисаттва! – воскликнул д'Артаньян, потом задумался и спросил. – То есть, как это, не потерять? Это что, значит, что я его должен потерять?

– Доберетесь до Парижа – разберетесь на месте, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Помните только одну вещь – если вам и правда суждено стать королевским мушкетером, вы им станете. Эта система уже двадцать лет не дает сбоя. Но зато, сами понимаете, если уж не суждено, то... даже я не смогу ничего поделать. Но, по крайней мере, могу пожелать вам удачи в любом деле, за которое бы вы ни взялись по воле судьбы.

– Спасибо вам, бодхисаттва! – сказал д'Артаньян. – Спасибо за все.

– Ну, идите, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Говорят, по дороге в Париж иногда бывают такие пробки!

– До свидания, бодхисаттва! – сказал д'Артаньян, выходя.

– До свидания, до свидания, – сказал бодхисаттва де Гарньер. – Если ты и правда тот самый тридцать третий мушкетер, ты еще перевернешь мир, – пробормотал он, когда дверь за д'Артаньяном закрылась.

Д«Артаньян поспешил в Париж, а бодхисаттва де Гарньер начал практиковать новый вид медитации, изобретенный им во сне. Саньясины при этом наряжали своего бодхисаттву в шелк и бархат, заодно обливая цветочным маслом.

Как Рошфор помог д'Артаньяну, украв его письмо

Первые дни, проведенные в дороге, д'Артаньян помнил плохо. Он скакал во весь опор, пока уставшая лошадь не начинала бунтовать. Тогда д'Артаньян вместе с лошадью заваливался в какой-нибудь постоялый двор, где сам он обедал и медитировал, а его лошадь кушала сено и переводила дух. Д'Артаньян так спешил добраться до Парижа, что даже не оставлял себе времени полюбоваться природой и пейзажами своего мира. Однако мир – не такая вещь, которая прощает равнодушное отношение к себе. Так или иначе, а мир находит способ напомнить о себе. Тем или иным способом.

Все началось солнечным утром в небольшом провинциальном городке. Д'Артаньян стартовал с очередного постоялого двора в шесть утра. Через пару часов лошадь нашего героя, скакавшая уже второй день с редкими передышками, взбунтовалась и снова потребовала отдыха. Поэтому д'Артаньяну пришлось остановиться у первой попавшейся на пути гостиницы.

Однако так уж случилось, что в это же утро у этой же гостиницы остановился не только д'Артаньян. По улице не спеша прогуливался взад-вперед человек в черном плаще и шляпе. И судя по всему, человек этот кого-то поджидал. Читатели, вероятно, уже догадались, что человеком этим был граф Рошфор, советник кардинала по связям с общественностью.

В том веке связи с общественностью проходили не через телерекламу, а через личные контакты. То есть, граф Рошфор разъезжал по Франции, навещал кардинальские деревни, смотрел, как живут голодные кардинальские крестьяне, бряцал шпагой, помахивал пистолетом и изредка спрашивал:

– Ну что, есть тут еще недовольные? Кто подумывает переметнуться к дзен-буддистам?

Шпага и пистолет как средства для связей с общественностью действовали безотказно: кардинальские крестьяне и думать забывали о том, чтобы сменить религию.

Так вот – граф Рошфор как раз прогуливался у крыльца гостиницы, и тут на него обрушился столб песка и пыли. Рошфор чихнул и начал протирать глаза, а когда протер, увидел, что источником этого столба пыли является д'Артаньян, резко затормозивший прямо перед носом у Рошфора. Д'Артаньян даже испугался, подумав, что засыпал песком королевского мушкетера, но, когда пыль улеглась, д'Артаньян увидел у Рошфора на шее амулет с символом кардинальской религии – забитым палками рабом в крестообразном гробу.

– Ох, простите, я вас не заметил, – холодно сказал д'Артаньян, слезая с лошади.

Разъяренный Рошфор окинул д'Артаньяна и его лошадь пронзительным взглядом. Тем не менее, Рошфор не выплеснул свой гнев, ибо кардинальская религия запрещала это делать, в отличие от учения дзен. Вместо этого он криво улыбнулся и спросил:

– Сударь, не скажете ли вы мне, где покупали эту лошадь? Я как раз подыскиваю коня для своего глупого слуги. Ваша лошадь как раз то, что надо!

– Как вы смеете издеваться над моей лошадью, сударь? – спросил д'Артаньян, вступаясь за своего верного непарнокопытного друга. – Если у вас есть претензии ко мне, можете смело высказать их мне в лицо, но не в морду моей лошади.

Рошфор некоторое время переводил сказанное, поглядев сначала на д'Артаньяна, а потом на морду его лошади.

– Ну, а сами-то вы, сударь, с какого разбойника стащили этот наряд? – спросил Рошфор, презрительно осматривая потертый камзол д'Артаньяна, его запыленные сапоги и замызганный плащ.

– Так вы и меня изволите оскорблять, сударь? – спросил д'Артаньян, хватаясь за шпагу. – В таком случае я вызываю вас на дуэль!

Д'Артаньян обнажил шпагу.

– Дуэли запрещены, – по крайней мере, для тех, кто исповедует религию кардинала, – сказал Рошфор, поворачиваясь к д'Артаньяну спиной. – Мне жаль вас, ибо после смерти вы долго будете жариться в гриль-баре вместо курицы.

– Повернитесь ко мне лицом, сударь, чтобы мне не пришлось проткнуть вас со спины, – потребовал д'Артаньян, постучав Рошфора по плечу клинком.

Между тем, Рошфор только притворялся шлангом. Повернувшись спиной к д'Артаньяну, он вышел в астрал. (Кардинальская религия запрещала убивать лишь на физическом плане, на астральный план этот запрет не распространялся.) Так вот, Рошфор вышел в астрал и увидел, как д'Артаньян похлопывает шпагой по его телу. Рошфор послал телепатический сигнал своему слуге и приготовился прикончить д'Артаньяна астральным ударом. Но д'Артаньян не был таким уж идиотом и заметил, как астральное тело Рошфора отделилось от физического. Дальше события развивались сразу в двух мирах – астральном и материальном.

В физическом мире д'Артаньян по-прежнему стоял за спиной Рошфора, дотронувшись до него клинком своей шпаги. В такой позе он и застыл, правда, по времени физического мира, застыл он всего лишь на несколько секунд.

В астральном же мире время несколько ускорилось. Выйдя в астрал, д'Артаньян отразил простенький удар Рошфора. Удар этот пришелся в одну из створок окна на втором этаже гостиницы. Створка благополучно грохнулась на землю. Рошфор, не теряя времени, приготовился к новой астральной атаке, но д'Артаньян достал его быстрее, чем было весьма странно, если учесть, что Рошфор был одним из лучших астральных воинов во всей Франции, и превзойти его могли разве что тридцать два королевских мушкетера, да и то, возможно, не все.

Получив сильный удар астральным тараном в третью чакру, Рошфор согнулся пополам и начал пошатываться. Заряд энергии, который он приготовил на новый удар, ушел на самовосстановление. Рошфора уже оттягивало назад, в физическое тело, и д'Артаньян приготовился окончательно добить противника, но тут произошла одна вещь, из-за которой д'Артаньяну тоже пришлось срочно возвращаться на физический план.

В обычном, материальном мире эти двое все еще стояли на месте. Неизвестно, чем бы закончилась эта так называемая «дуэль», если бы слуга графа Рошфора вовремя не подоспел на помощь своему господину. Поскольку слуга был трусоват, он не бросился на д'Артаньяна, а наоборот, бросился к хозяину гостиницы с криком:

– Помогите! На моего господина напали разбойники!

Хозяин гостиницы мгновенно сделал следующие выводы: если помочь дворянину избавиться от разбойников, дворянин будет очень благодарен, а благодарность дворянина может выразиться не только в словах, но и в чем-то более ощутимом. Поэтому хозяин гостиницы сгреб в охапку своих слуг и выбежал на улицу. Когда они выбегали из гостиницы, рядом с грохотом приземлилась створка окна.

– Это все разбойники! – заголосил слуга Рошфора.

Рошфор с д'Артаньяном между тем все еще стояли в стоп-кадре. Поглядев на стоп-кадр, хозяин гостиницы сразу сделал вывод, кто из этих двоих есть «разбойники» и бросился на д'Артаньяна. Слуги также не теряли времени даром...

Сражение в астрале между тем шло плонным ходом, и д'Артаньян собрался нанести Рошфору сокрушительный удар, но не сделал этого. Потому что в его физическом теле сработало нечто вроде сигнализации, и д'Артаньяна молниеносно затащило в это самое физическое тело. А «сигнализация» сработала из-за того, что в д'Артаньяна полетели кастрюли, сковородки и даже чернильница. Тело ощутило это и призвало на помощь все силы – сработал рефлекс.

Д'Артаньян повернулся лицом к нападавшим и попытался отбить одной шпагой удары трех палок. Палки-то он успешно отбивал, но хозяин гостиницы был вооружен сковородкой и кочергой. С помощью двух этих приспособлений он переломил шпагу д'Артаньяна и приготовился нанести последний удар. Д'Артаньян все еще отбивал удары палок, как вдруг заме-

тил, что отбиваться уже нечем – от шпаги осталась лишь пара обломков. Отметив этот факт, д'Артаньян заодно отметил и еще кое-что. Во-первых, незнакомец в черном плаще, вернувшись в тело и пришедший в себя после удара по третьей чакре, подошел к притормозившей карете и начал беседовать с кем-то, кто находился внутри этой кареты. А во-вторых, к лицу д'Артаньяна приближалась сковорода. Д'Артаньян попытался увернуться, попутно вспомнив строчку из какого-то стихотворения: «И проступил в нем лик сковороды». Увернуться д'Артаньян не успел, и «лик сковороды» накрыл его с головой.

Очухался д'Артаньян, уже лежа на кровати. То есть, судя по ощущениям, это была кровать. Он попробовал открыть глаза и обнаружил, что вся его голова вместе с лицом замотана какой-то тряпкой. Размотав тряпку, д'Артаньян заметил на этой самой тряпке следы крови. Голова трещала, но соображалка еще работала. Оглядевшись, д'Артаньян увидел, что находится в маленькой комнате. Видимо, это была одна из комнат гостиницы. Сквозь распахнутое окно врывался ветерок и шум улицы.

Д'Артаньян попытался подняться с постели, но ничего не получилось. Тогда он вышел в астрал и подлетел к окну. Внизу все еще стояла карета, а незнакомец в черном плаще о чем-то беседовал с дамой, сидевшей в карете. Взбаламученные недавней дуэлью астральные потоки ухудшали видимость и слышимость, но даму д'Артаньян разглядел. Почти.

– Эй ты, скотина в черном плаще! – крикнул д'Артаньян Рошфору, вылетая из окна и приземляясь рядом с каретой. – Хватит прятаться за спинами слуг! Выясним отношения как дворяне, если ты, конечно, дворянин, а не слуга в карнавальном костюме!

Рошфор всерьез разозлился на последнее замечание д'Артаньяна и даже приготовился выйти из тела, но его остановила дама, сидящая в карете.

– Не горячитесь, граф, – сказала дама. – Кардинал ведь не ждет. А с этим шутком вы еще успеете рассчитаться.

– Вы правы, миледи, – сказал Рошфор. – Я немедленно выезжаю.

Д'Артаньян в астральном теле все еще стоял около кареты, но начинал чувствовать, что с разбитой головой он в астрале долго не пробегает. Тем не менее, он хорошо расслышал диалог миледи и Рошфора. Д'Артаньян даже собирался сказать нечто такое, чтобы они оба заткнулись, но тут у нашего героя голова стала буквально раскалываться, и д'Артаньян почувствовал, что его затягивает обратно. Взлетев на высоту второго этажа, он рухнул в свое тело, лежавшее на кровати.

Карета миледи отъехала от гостиницы, а Рошфор крикнул своему слуге:

– Собирайся, бездельник, мы уезжаем!

Рошфор зашел в гостиницу, раздумывая над тем, почему именно сейчас, когда он выполнял очередное секретное задание кардинала, на его голову свалился мальчишка дзен-буддист, выраженный как клоун. Клоун-то клоун, а по третьей чакре вдарил. Рошфор поднялся на второй этаж гостиницы, намереваясь забрать вещи из своей комнаты. Проходя по коридору, он увидел открытую дверь соседней комнаты и д'Артаньяна, валявшегося на кровати с обломком шпаги в руке.

«Любопытно, – подумал Рошфор, заходя в комнату и закрывая дверь. – Что же ему здесь надо?»

Рошфор начал шарить в вещах д'Артаньяна. Сначала он не находил ничего интересного – нефритовая статуэтка Будды, учебник по выходу в астрал, учебник «Как в короткий срок стать человеком дзен» и другие мелочи. Внимание Рошфора привлек конверт, в который было запечатано рекомендательное письмо бодхисаттвы де Гарньера, адресованное Лесли Нильсену.

«Е-мое, – подумал Рошфор. – Если уж за мной гоняются мушкетеры, тогда плохи мои дела».

И все же Рошфор распечатал письмо, надеясь узнать что-то полезное для себя. Однако ничего полезного он не узнал, ибо бодхисаттва де Гарньер, знакомый с пророчествами лорда Дюмона, написал следующее:

Сенцею королевских мушкетеров
Лесли Нильсену
от бодхисаттвы де Гарньера,
главы Марсельской дзенской общины
Шалтай-болтай сидел на стене,
Шалтай-болтай свалился во сне,
Все тридцать три мушкетера,
Вся королевская рать
Не смогут Шалтая-болтая собрать.

Привет лорду Дюмону! Если он это читает, значит, у нас очередной промах.

Бодхисаттва де Гарньер.

«Черт побери, это, наверное, какой-то шифр, – подумал Рошфор, запихивая письмо в карман и выходя из комнаты д'Артаньяна. – Пора отсюда сматываться. Если Нильсен прислал за мной одного, скоро здесь будут и остальные тридцать. Наверняка этот придурок должен был меня отвлекать. Смываюсь отсюда!»

И Рошфор поспешил уехать. Настолько поспешил, что даже забыл оплатить счет.

Как д'Артаньян искал письмо, но не нашел

Д'Артаньяна откачали на следующий день – хозяину гостиницы не терпелось содрать с кого-нибудь деньги, которые он не взял с Рошфора. А самым близким к Рошфору человеком оказался именно д'Артаньян: за два дня своего пребывания в гостинице Рошфор больше ни с кем не разговаривал и не дрался. Поэтому, когда д'Артаньян проснулся, первым, что он увидел, был счет, которым хозяин гостиницы размахивал перед носом нашего героя. Увидев сумму в счете, д'Артаньян снова отключился на пару часов. Его привел в чувство только запах обеда.

Отобедав, д'Артаньян устроился на кровати в позе лотоса и начал медитировать. Он вспомнил, что во всех дзенских книгах было написано, что все наши враги – это всего лишь отражение нас самих, поэтому вчерашняя стычка с незнакомцем в черном плаще – всего лишь еще один шаг в бесконечной борьбе с самим собой, которая заканчивается либо просветлением, либо смертью. По крайней мере, если верить книгам. Однако д'Артаньян не чувствовал себя настолько плохим существом, чтобы вести борьбу с самим собой, как это делают последователи кардинала. Поэтому он и принял учение дзен, по которому выходило, что человек борется не с самим собой, а с собственным умом, то есть, с неправильным образом реальности, сформированным в голове. Д'Артаньяну казалось, что эта точка зрения намного ближе к правде. А главное – следуя учению дзен, он мог не отказываться от своих желаний и стремлений, а заодно и не платить огромные членские взносы на нужды кардинала и его людей.

Поняв, что он во всем прав, д'Артаньян встал из позы лотоса.

«Однако вспышки ярости надо бы сократить, – подумал д'Артаньян, подходя к окну. – Хотя вчерашний осел сам виноват – первый начал!»

Хозяин гостиницы в очередной раз предъявил д'Артаньяну счет Рошфора, в ответ на что д'Артаньян пригрозил хозяину гостиницы, что подаст на него в суд за сломанную шпагу. Они уже почти договорились решить дело миром, и д'Артаньян начал собирать вещи, чтобы съехать, как вдруг заметил, что письмо исчезло! И все началось заново.

Д'Артаньян бегал по всей гостинице с криками «Где письмо?!» Хозяин гостиницы перепугался не на шутку – мало того, что он вместе со слугами поднял руку на дворянина, да еще и на дзен-буддиста, так еще вдобавок у этого самого дворянина был похищен какой-то документ государственной важности, как следовало из слов самого д'Артаньяна. Бедный хозяин гостиницы с перепугу уж чуть было не отправился в nirvanу, однако тут же сообразил, что поможет ему еще ненадолго задержаться на этой земле.

Итак, хозяин гостиницы подошел к д'Артаньяну и заявил:

– Я знаю, где ваше письмо, уважаемый господин! Пока вы валялись без сознания, тот самый незнакомец поднимался на второй этаж. Я и подумать не мог, что он заглянет к вам с такими недобрыми намерениями. Однако, дверь вашей комнаты была открыта, и он запросто мог...

– Ах, негодяй! – воскликнул д'Артаньян. – Да ведь в этом письме вся моя жизнь! Что же мне тогда делать?

– Я думаю, нам с вами следует обратиться в полицию и заявить на этого преступника! – воскликнул хозяин гостиницы. – Мало того, что этот самозванный дворянин не заплатил мне по счету, так он еще и украл ваше письмо! Уж здесь-то точно имеется состав преступления.

– Вы правы! – сказал д'Артаньян. – Идемте в полицию.

К вечеру по всем окрестным деревням был развешен на столбах портрет разыскиваемого бандита, прикинувшегося дворянином. В принципе, лицо на портрете больше смахивало на самого д'Артаньяна, нежели на Рошфора. Тем не менее, начальник полиции пообещал д'Артаньяну, что как только они схватят этого бандита вместе с письмом, письмо будет немедленно отослано сенцею королевских мушкетеров. Д'Артаньян, немного успокоенный этим завере-

нием, поспешил покинуть городок, в котором на долю нашего героя выпало столько неприятностей. После двухдневного перерыва путешествие д'Артаньяна продолжилось. Единственным существом, порадовавшимся этой передышке, была лошадь д'Артаньяна, которая за два дня наконец-то сумела отоспаться. Между прочим, лошадь была настоящим мастером сновидения, вот только рассказать об этом никому не могла.

Наконец-то Париж!

Одним словом, прошло еще несколько дней. Д'Артаньян в гневе пытался зарубить несколько сельских жителей, но ничего не получилось из-за сломанной шпаги. Кроме того, д'Артаньяну пришлось временно сесть на диету, пока он проезжал через кардинальские деревни, где никакой еды давно не видели даже сами местные жители. Д'Артаньян за пару дней сгрыз свои ногти, оказавшиеся не слишком питательными. В этом и была суть диеты. Когда д'Артаньян полюбопытствовал, как же все кардинальские крестьяне не умерли от голода, оказалось, что они ели по одному зернышку пшеницы в день, все свое время посвящая медитации. В принципе, это был буддийский способ утолить голод, хотя все буддийские обряды в кардинальских деревнях были запрещены. А что еще оставалось делать голодным людям!

Итак, д'Артаньян сел на диету в кардинальских деревнях, а слезть с нее сумел только на подступах к Парижу, где начали попадаться хорошие постоялые дворы и таверны с хорошей кухней. Ну, и наконец, после нескольких долгих дней путешествия д'Артаньян въехал в Париж с остатками золота из мешка лейтенанта Крюшо в кармане, без рекомендательного письма и со сломанной шпагой.

Париж не встретил д'Артаньяна ликованием. Вернее сказать, Париж вообще никак не встретил д'Артаньяна, если не считать того, что на одной из улиц на голову нашего героя опорожнили ночной горшок откуда-то сверху (д'Артаньян приехал в Париж утром). Отмывшись в платной бане, д'Артаньян пошел на рынок и продал лошадь. Он весьма продешевил, так как лошадь была мастером сновидения и стоила в десять раз дороже обычной. Но об этом не знал и новый хозяин лошади, а самой лошади было по фигуре, кто ее хозяин – для нее это было не больше, чем очередной сон.

Так вот, присовокупив плату за лошадь к своим оскудевшим запасам золотых монет, д'Артаньян начал искать место для жилья. В Париже было несколько пятизвездочных отелей (в том числе и с видом на королевский дворец), однако все это великолепие было не по карману нашему герою. Поэтому он переключил свое внимание на двери домов с табличками «Сдаю комнаты». В центре Парижа цены кусались, а жить на окраине д'Артаньян не хотел по причине отсутствия общественного транспорта в городе. (Впрочем, если бы д'Артаньян знал, что такое общественный транспорт в большом городе, он бы предпочел переплатить за квартиру в центре.) В конце концов, нашему герою повезло, и он нашел приемлемый вариант в лице мелкого бизнесмена Бонасье, который сдавал двухкомнатную квартиру на втором этаже. Д'Артаньян вспомнил, как с утра на него опорожнили ночной горшок со второго этажа и, надеясь отомстить, вселился в эту комнату. Ему повезло и не повезло одновременно – в доме месье Бонасье пару лет назад установили некое подобие канализации.

Сняв квартиру, д'Артаньян отправился на соседнюю улицу, где он еще накануне заметил ларек с вывеской «Ремонт обуви и шпаг». В ларьке сидел кавказец, который, поглядев на остатки шпаги д'Артаньяна, потребовал приличную сумму для ее восстановления. Д'Артаньян, конечно, поторговался, но все-таки рассудил, что лучше без денег со шпагой, чем с деньгами без шпаги. Кавказец получил свое, а золотой запас д'Артаньяна приблизился к нулю. И это несмотря на продажу сновидящей лошади.

Приемная сенция мушкетеров

Читатель помнит, что в книге Дюма по прибытии в Париж д'Артаньян отправился наниматься в мушкетеры. Что ж, не будем отступать от сюжета.

Особняк сенция королевских мушкетеров Лесли Нильсена находился в самом центре Парижа, недалеко от королевского дворца на тот случай, если Его Просветлейшеству вдруг срочно понадобятся мушкетеры. Д'Артаньян долго поднимался по белоснежной мраморной лестнице. Вход охраняла парочка мушкетеров, как две капли воды похожих на звезд французского кинематографа. Это были Фанфан-Тюльпан и бывший разбойник Картуш. Оба недавно достигли просветления и были зачислены в мушкетеры. Однако д'Артаньян понял, что оба новоявленных мушкетера особой радости от своего положения не испытывали.

– И какого черта Нильсен поручил нам этот фейс-контроль? – возмутился Фанфан-Тюльпан. – Я привык махать клинком, а не пялиться на пьяные рожи. Стой, проходи, стой, проходи!

– А я скучаю по своему лесу, – вздохнул Картуш, внешне подобный знаменитому Бельмондо в молодости. – А знаешь, до того, как стать мушкетером, я ведь чуть было не создал международную сеть разбойников. Мы с Робин Гудом переписывались, планы строили. А потом его назначили лесником, а меня – мушкетером. Нет, все-таки, наши короли – не такие дураки, как считает народ.

– Это верно, – кивнул Фанфан-Тюльпан. – А как же вы с Робин Гудом переписывались? Через почтовых голубей?

– Ну, он-то мне сообщения присылал на стреле, – ответил Картуш. – Знаешь, так привязывал к стреле бумажку и палил из лука. И что интересно, ни разу не промахивался. Почти всегда попадал в одно и то же дерево. Частенько на стреле помимо бумажки оказывалась и дикая утка – ну, мало ли чего по дороге попадет. А однажды он своей стрелой с сообщением вообще предателя замочил.

– Круто! – кивнул Фанфан-Тюльпан. – А ты ему как отвечал?

Картуш открыл было рот, но как раз в этот момент к двери приблизился д'Артаньян. Оба мушкетера, стоявшие на фейс-контроле, обратили на него внимание как на типа весьма подозрительного (по причине нехватки денег д'Артаньян не брился, не ел и сильно похудел).

– Стой! – обратился Картуш к д'Артаньяну. – Кто такой? Зачем пришел?

– Саньясин д'Артаньян из Марселя, – гордо ответил д'Артаньян. – Прибыл сюда в надежде стать королевским мушкетером!

Оба мушкетера усмехнулись.

– Еще один, – сказал Фанфан-Тюльпан. – Скоро этими кандидатами в мушкетеры можно будет мостовые устилать.

– Сударь, вы что, хотите таким образом спровоцировать меня на дуэль? – вспыхнул д'Артаньян.

– Спокойно, чувак, забей, расслабься, выдохни, проходи, – выдал набор слов Картуш. – Просто у нас этих кандидатов и в самом деле хоть пруд пруди. Только не один еще не подошел под пророчество лорда Дюмона. Сомневаюсь, что ты подойдешь.

– Почему? – спросил д'Артаньян. – А вас обоих как в мушкетеры приняли?

– Я сумел телепортироваться в королевский дворец, точно в покои принцессы, – ответил Фанфан-Тюльпан. – Меня хотели повесить, но не получилось. Тогда меня и зачислили в мушкетеры.

– Вау! – воскликнул д'Артаньян.

– А я хотел создать мафию на три века раньше, чем полагается, – ответил Картуш. – Поэтому и оказался здесь.

– Тоже вау! – кивнул д'Артаньян.

– Чувак, проходи, не задерживай очередь, – сказал д'Артаньяну Фанфан-Тюльпан. – Кто там следующий, тоже проходите.

– Так вот, а я отправлял Робин Гуду сообщения... – продолжал Картуш, но д'Артаньян уже не расслышал этот рассказ про новый способ связи, изобретенный разбойниками.

Наш герой вошел в приемную, где увидел толпу парижан, ломившихся на прием к сенцею королевских мушкетеров. Естественно, Лесли Нильсен ограничил вход в свой кабинет, поставив парочку охранников у двери и обзаведясь собственной службой бюрократов. Один из этих бюрократов подскочил к д'Артаньяну с пачкой анкет в руке.

– Заполните анкету, пожалуйста! – улыбнулся бюрократ.

– Зачем? – не понял д'Артаньян.

– Укажите там ваше имя и цель вашего визита, – ответил бюрократ. – Месье Нильсен вас вызовет.

– Ну ладно, – сказал д'Артаньян и взял в руки анкету.

В графе «Цель визита» он совершенно честно написал: «Какой-то астральный призрак велел мне стать мушкетером».

Бюрократ, забрав анкету у д'Артаньяна и прочитав ее, выразил на своем служебном фейсе некоторое удивление, но все равно положил анкету в стопку и отнес в кабинет Лесли Нильсена.

Д'Артаньян остался ждать в приемной. Это была роскошная комната, битком набитая посетителями. На диванчике у двери сидели двое мушкетеров. Они занимали самое привилегированное положение, – остальные посетители стояли. Один из мушкетеров внешне напоминал японского Хотея, второй же смахивал на эльфа из «Властелина Колец» в исполнении Орlando Блума. Сходство усиливалось за счет того, что Орlando Блум, кажется, тоже буддист.

Мушкетер, внешне напоминавший Хотея, поглаживал рукой свою расшитую золотом перевязь, на которой висела шпага весьма внушительного размера.

– А я тебе говорю, что я эту перевязь купил! – сказал мушкетер. – И никакая герцогиня мне ее не дарила! Хотя, признаться честно, за мои-то любовные подвиги десяток этих герцогинь мог бы подарить мне пол-Франции! Так-то, дорогой мой Арамис!

– Право же, Портос, не разыгрывайте меня! – воскликнул Арамис. – Конечно, наши герцогини любят полных мужчин, но чтобы пол-Франции! Сомневаюсь. Хотя на такую перевязь вашей любовной активности вполне бы хватило.

– Вы слишком низко меня оцениваете, Арамис, – сказал Портос. – У вас-то роман с этой...

– Тихо! – предупредил Арамис.

– С этой... этой... – запнулся Портос. – Ну, с той самой, а я ж молчу!

– Портос, я тоже буду молчать, когда узнаю, кто подарил вам перевязь, – сказал Арамис.

– Все-то вам надо знать, – вздохнул Портос. – Впрочем, хватит говорить обо мне. Что слышно о других мушкетерах и их бабах?

Арамис собирался что-то сказать, но в этот момент из двери высунулся секретарь Лесли Нильсена и канцелярским голоском проскрипел:

– Месье д'Артаньян, заходите!

Не-делание смерти

Д«Артаньян, сожалея, что не услышал сплетен о бабах, зашел в кабинет. Лесли Нильсен сидел за столом в черном кимоно. Д'Артаньян не успел рассмотреть все детали его облика, так как Нильсен встал, вежливо сказал: «Обождите минутку», подошел к двери, сам выглянул в приемную и проорал:

– Атос! Портос! Арамис! Живо ко мне! Все трое, чтоб вас!

Д«Артаньян от неожиданности вжался в стену, чувствуя, что еще немного магических практик – и он сможет пройти сквозь стену спиной вперед.

Лесли Нильсен вернулся за стол, а в кабинет вошли два мушкетера из приемной.

– Господа, я возмущен вашим поведением! – воскликнул Лесли Нильсен. – Эй, вы, закройте дверь! – крикнул он д'Артаньяну. – Да, вы, вы, чего встали?

Д«Артаньян, слегка растерявшись, все же закрыл дверь как можно плотнее, чтобы в приемной не могли слышать, как сенцей орет на своих мушкетеров.

– Отлично, господа, теперь я могу проораться, – с наслаждением вздохнул Лесли Нильсен и заорал. – Почему последние две недели у вас не было ни одной стычки с людьми кардинала? Король вами весьма недоволен. Знаете, что он сегодня сказал мне за завтраком? Он сказал, что у него такое впечатление, будто он зря платит вам зарплату. А вы знаете, что если Король недоволен вами, то он недоволен и мной. А если Король прекратит платить зарплату вам, то прекратит платить и мне. И тогда нам всем с вами придется заниматься на службу кардинала, чтобы улаживать его связи с общественностью. Черт побери! Я не хочу быть PR-шестеркой, господа! И мне кажется, что вы тоже не хотите этого.

– Не хотим, сенцей! – хором сказали оба мушкетера.

– Так что ж вы сидите сложа руки? – спросил Лесли Нильсен. – Последний раз вы трое отличились три недели назад, когда закидали Рошфора тухлыми яйцами перед балом-маскарадом. Поздравляю-поздравляю, он выглядел в точности как цыпленок Король тогда долго смеялся, но с тех пор вы вообще никак не отличились!

– Мы занимались самосовершенствованием, – ответил Портос. – Так что я не думаю, что мы тратили время даром.

– И в чем же вы себя усовершенствовали? – спросил Лесли Нильсен. – Вы, Арамис, написали еще десяток своих бездарных лирических поэм и мюзиклов? Сколько раз вам говорить, что эту чушь про горбуна и цыганку народ смотреть не будет. А эта песня, которую вы написали вместе с тем англичанином... забыл, как она называлась?

– «Бэлль», сенцей, – подсказал Арамис.

– Да, точно, «Бэлль». От этих завываний у моей собаки разболелись зубы, и пришлось вести ее к ветеринару-телепату, который полчаса ее допрашивал, два дня лечил и содрал с меня кучу денег, потому что, как он сказал, «нельзя так издеваться над животным!» – воскликнул Лесли Нильсен. – Я надеюсь, Арамис, вы за последнее время ничего больше такого не сочинили?

– Никак нет, сенцей, – сказал Арамис.

– Хоть это радует, – облегченно вздохнул Лесли Нильсен. – А вы, Портос, опять состязались в обжорстве с полком кавалеристов?

– И я победил, сенцей! – гордо заявил Портос.

– Оно и видно, – усмехнулся Лесли Нильсен. – И затем вы опять соблазняли старых герцогинь? Сколько же раз вам пришлось выпрыгивать из окна при появлении их мужей на этой неделе?

– Трижды, сэр, – виновато ответил Портос.

– Задница побаливает? – спросил Лесли Нильсен.

– Угу, – кивнул Портос.

– Неделя отпуска, – пробормотал Лесли Нильсен. – Впрочем, какая неделя, что я несу! Отправляйтесь сегодня в караул, будете всю ночь стоять, чтоб задница не болела. А вы, Атос? Кстати, где Атос?

– Он все еще практикует не-делание смерти, сенцей, – ответил Арамис.

– Я здесь, сенцей, – донесся слабый голос, и из-за портьера вышел человек, в котором торчали три шпаги.

У д'Артаньяна невольно вырвался вздох восхищения. Он и представить себе не мог, что и в самом деле существуют люди, способные практиковать не-делание смерти – одну из сложнейших практик, о которой лишь вскользь упоминалось в учебнике Дон Жуана под редакцией Кастанеды. Суть этого не-делания состояла в том, что если человек путем множества сложных практик, связанных с регулярным приемом галлюциногенов и выполнением чисто физических и энергетических упражнений (тоже, довольно сложных, кстати) сдвигал свою точку сборки в такую зону, где отсутствует намерение смерти, его тело (как физическое так и энергетическое) становилось практически неуязвимым для любого негативного воздействия. Д'Артаньян всегда считал, что вещи, подобные не-деланию смерти, являются чем-то вроде теорий, замешанных на хитрых построениях высшей магии, ибо высшая магия построена на таких принципах, что все в ней становится относительным – жизнь и смерть, конечность и бесконечность, наш мир и другие миры – все это сосуществует и какими-то странными путями переходит друг в друга. На основании этих принципов полубезумные маги создавали какие-то хитроумные теории, по которым получалось, что смерти нет, что с помощью реинкарнации в новое тело переходит не личность, а только энергетические остатки памяти, а также, что каждый день каждый человек творит собственный мир по собственной воле. Конечно, это все звучало красиво и в чем-то даже было похоже на правду, но д'Артаньян и понятия не имел, что какие-то практики, пусть даже самые сложные, могут позволить человеку спокойно расхаживать по улице с тремя шпагами в теле.

– Атос! – дружно воскликнули все присутствующие.

– Да, это я, сенцей, – тихо ответил Атос. – Вы меня звали, вот я и пришел.

На лице Атоса было несколько отстраненное выражение, словно бы он не видел ничего перед собой и не понимал, где находится. Лесли Нильсен вскочил из-за стола и подошел к Атосу.

– Как вы, друг мой? – спросил Лесли Нильсен. – Давно вы ходите со всем этим металлоломом в теле?

– Первую шпагу в меня воткнули гвардейцы кардинала три недели назад, – ответил Атос. – Когда я шел по улице со шпагой в груди, меня увидели кардинальские инквизиторы и воткнули в меня вторую шпагу. Где в меня воткнули третью, не помню.

– И как же вы себя чувствуете? – спросил Лесли Нильсен.

– Несколько некомфортно, пожалуй, – ответил Атос. – И что-то аппетита нет. Три дня уже ничего не ем, даже китайского риса.

– Что ж вы раньше-то не пришли?! – воскликнул Лесли Нильсен.

– Однажды мне уже удалось приручить смерть, – ответил Атос. – Хотел попробовать еще раз. Знаете, почти удалось, если бы не эта третья шпага. Она меня щекочет и не дает сконцентрироваться.

– Сейчас мы вам поможем, – сказал Лесли Нильсен и повернулся к д'Артаньяну. – Позовите шамана или друида, или обоих, они вечно в приемной обретаются, просят какие-то ингредиенты типа мандрагоры и прочие гадости. Ну, что ты встал, парень, зови обоих!

Д'Артаньян открыл дверь, высунулся в приемную и крикнул:

– Друида и шамана сюда! В человеке три шпаги!

Толпа зашумела, тем не менее, к двери протолкались двое – седой старичок в белой мантии и с длинной бородой, а также индеец в кожаных лохмотьях, увешенный разнокалиберными амулетами. Эти двое вошли в кабинет, а когда следом за ними в кабинет попыталась хлынуть и остальная толпа, д'Артаньян с огромным трудом запищал любопытствующих обратно в приемную и захлопнул дверь.

– Ага, вас-то двоих мне и надо! – воскликнул Лесли Нильсен, увидев друида и шамана. – Вот, один из моих мушкетеров практиковал не-делание смерти и допрактиковался.

Друид подошел к Атосу и начал внимательно изучать что-то. Видимо, прикидывал, под какими углами в тело вошли шпаги. Подсчитав углы, друид изрек:

– После такого люди не живут!

– Меня пять раз вешали, – тихо сказал Атос. – Девять раз расстреливали и раз пятнадцать протыкали насквозь шпагой.

– Тогда, наверное, можно что-то сделать, – пожал плечами друид. – Только я раньше с такими не сталкивался. Если бы ранения не были сквозными...

– Погодите, я посмотрю, – сказал шаман и осмотрел Атоса. – Ерунда, мы дома в империи Инков довольно часто практиковали нечто подобное – слава богам, испанцев вокруг было вдоволь. У нас ребята-индейцы и с десятком шпаг в спине бегали. А про пули я уже вообще молчу.

– А что ж вы в Париж переехали? – спросил Арамис. – Раз у вас такая богатая практика на родине?

– Так нагваль пирамиду телепортировал, – ответил шаман. – Три деревни без работы остались. Так и пришлось... приспособливаться.

– Это все безумно интересно, – сказал Лесли Нильсен. – И все-таки, что нам делать?

– Сначала вынуть шпаги, – ответил шаман.

– Вы уверены? – спросил Портос.

– Конечно, в таком состоянии ему будет безразлично, есть ли шпаги в теле или нет, – ответил шаман. – Потом придется зашивать отверстия, а для этого мне нужно серебро. И на последней стадии мне понадобится золото, чтобы влить в него жизненную силу.

– Друид, вы с этим согласны? – спросил Лесли Нильсен.

– У нас немножко другие обряды, но в целом, суть верна, – кивнул друид.

– Это хорошо, значит, будете работать вместе, мне этот человек нужен живым и как можно скорее, – сказал Лесли Нильсен.

– Сделаем, – сказал шаман. – Итак, какая шпага была воткнута последней?

– Не помню, – ответил Атос. – Но помню первую и вторую.

– Какая же была первая? – спросил шаман.

– Вон та, дешевенькая, что с отстойным рисунком на эфесе, – ответил Атос. – Вторая побогаче будет, с позолотой на рукоятке. Не пожалели, иезуиты проклятые. Она еще, небось, и серебряная.

– Да нет, обыкновенная, – заключил шаман. – Ну, значит, последней была воткнута та, что с черной ручкой. Кто-нибудь, держите пациента, я буду вытаскивать.

Портос и Арамис схватили Атоса за плечи, и шаман начал вытаскивать из него шпагу под бдительным наблюдением друида, Лесли Нильсена и д'Артаньяна. Так, одну за другой, шаман вытащил из Атоса все три шпаги и аккуратно сложил их на полу. Д'Артаньян заметил показавшийся ему странным факт – крови на шпагах не было.

– Теперь мне нужно серебро, – объявил шаман. – Любое – ложки, вилки, шпаги, серебряные монеты, что угодно. Необходимо закрыть серебряным предметом каждую дырку с двух сторон, чтобы энергия вновь начала циркулировать в поврежденных местах.

– Эй, слуги, где вы все, тащите все серебро, что есть в доме! – крикнул Лесли Нильсен. – Хоть посуду, хоть украшения, хоть что угодно!

Через десять минут ко всем отверстиям, оставленным шпагами в теле Атоса, были приложены серебряные предметы. Портос, Арамис и Лесли Нильсен поддерживали ложки, вилки и монеты точно у отверстий, пока шаман читал заклинание.

– Можете отпустить, – сказал шаман, закончив с заклинаниями. – Теперь не отвалятся.

Действительно, серебряные предметы будто бы прилипли к телу Атоса и не желали подчиняться закону гравитации.

– Вот так, отлично! – шаман облегченно вздохнул. – Теперь мне нужны носилки и комната, куда можно отнести пациента. И еще мне понадобится золото – столько, сколько сможете найти. Лучше в слитках.

– Конечно, королевская казна рядом, щас сбегает, – сказали Портос и Арамис.

– Носилки сначала принесите! – одернул их Лесли Нильсен.

Вскоре Атоса унесли, и д'Артаньян так и не узнал, в чем же заключалось лечение золотом, и как Портос с Арамисом добыли золотые слитки.

Пророчества сбываются, или Как появилась Венера Милосская

– Теперь я займусь вашим вопросом, молодой человек, – сказал Лесли Нильсен, поворачиваясь лицом к д’Артаньяну. – Конечно, вам могло показаться странным, что человек носил в своем теле три шпаги и остался жив, но поверьте мне, люди в астральных телах носят и не такое! И как-то выживают при этом. Н-да... Черт побери, столько проблем, столько проблем... Вот на этих болванов сегодня наорал, из Атоса шпаги вытащили, теперь еще надо где-то найти тридцать третьего мушкетера...

– Прошу прощения, сенцей, но как раз с этой проблемой я могу вам помочь, – сказал д’Артаньян.

Лесли Нильсен взглянул на него с удивлением.

– Вы, молодой человек? – спросил он. – И как же вы можете помочь мне решить проблему, которую пока что не в состоянии решить все лучшие люди Франции? А, понятно, можете не продолжать, молодой человек, я вас понял. Вы решили попробовать поступить в мушкетеры. К несчастью, у нас всего лишь одно вакантное место, поэтому требования очень высокие.

Лесли Нильсен уселся за стол и достал папку, в которой лежал список пророчеств лорда Дюмона по поводу появления тридцать третьего мушкетера.

– Я понимаю, но я ведь явился сюда не просто так, – сказал д’Артаньян.

– Все так говорят, – пробормотал Лесли Нильсен.

– Но мне велел ехать в Париж черный призрак в форме мушкетера! – воскликнул д’Артаньян. – Это было во время астрального путешествия.

– И маска на нем была? – спросил Лесли Нильсен.

– Была, – кивнул д’Артаньян.

– И плащ? – спросил Лесли Нильсен.

– И плащ, – кивнул д’Артаньян.

– И серебряная брошка на левом плече? – спросил Лесли Нильсен.

– Нет, ничего такого не было, – твердо сказал д’Артаньян.

Лесли Нильсен опустил взгляд на листок с пророчествами. Первым пунктом значилось следующее: «Сошлется на сэра Эльдорадо». В принципе, на сэра Эльдорадо мог сослаться кто угодно, ибо сэр Эльдорадо не уставал терроризировать молодежь астральными видениями. Хотя, в основном, он являлся в астрале привлекательным девушкам – таким образом сэр Эльдорадо астрально бегал за бабами.

Подумав обо всем этом, Лесли Нильсен почесал в затылке. Сэр Эльдорадо, конечно, мог и пошутить. И вообще, это мог быть не сэр Эльдорадо. Хотя, с другой стороны, больше некому. Лесли Нильсен взглянул на следующий пункт и спросил у д’Артаньяна:

– А нет ли у вас с собой какой-нибудь... э-э... более материальной рекомендации?

– Так и знал, что вы спросите, – вздохнул д’Артаньян, цокнув языков. – Понимаете, у меня было письмо от бодхисаттвы де Гарньера, но дело в том, что... Короче, в дороге его у меня украли.

– Правда? – спросил Лесли Нильсен. – Неужели?

– Да, но если бы вы одолжили мне немного денег, я мог бы по-быстрому сгонять обратно в Марсель, и бодхисаттва де Гарньер написал бы мне новое письмо, – сказал д’Артаньян. – Или вы могли бы вызвать его по телепатической связи, он бы рассказал вам, что я был у него.

– Как же могло случиться, что ваше письмо украли? – спросил Лесли Нильсен.

– Это сделал один из людей кардинала, я узнал знак у него на цепочке – забитого палками раба, – сказал д'Артаньян и поведал Лесли Нильсену историю во всех подробностях.

Естественно, Лесли Нильсен узнал в описании Рошфора. Он еще раз заглянул в список пророчеств, где под пунктом номер два было ясно написано: «Посеет рекомендательное письмо от дзенской общины». С возрастающим ужасом Лесли Нильсен обратил взор на пункт номер три: «Разобьет твою статую Афродиты».

Первые два пункта сходились, и Лесли Нильсен начал всерьез опасаться за свою статую, несмотря на то, что полгода назад спрятал ее в шкаф, – отчасти, чтобы усложнить испытание тридцать третьему мушкетеру, а главным образом, чтобы спасти статую от этого варвара.

– Что ж, молодой человек, – пробормотал Лесли Нильсен, не сводя глаз со шкафа, в котором стояла Афродита, и с ужасом вспоминая, что забыл утром запереть шкаф на ключ. – Мы займемся выяснением всех обстоятельств вашего дела. Если вам суждено быть мушкетером, вы им будете, но если нет... Ну, вы же понимаете, что у нас бюрократия и все такое прочее. Нам надо все тщательно проверить, установить все соответствия и закономерности. С такими вещами, как тридцать третий мушкетер, не шутят – это ведь как сто пятидесятый рыцарь круглого стола. Пока что я могу предложить вам назначение в полк сновидящих гвардейцев. Или вы больше специализируетесь по сталкингу?

– Я обучался и сталкингу, и сновидению, – ответил д'Артаньян, подходя к окну и сжимая кулак, словно бы собираясь треснуть по стеклу.

– Тогда запишем вас в особый полк практикующих магов, – Лесли Нильсен начал было облегченно вздыхать, заметив, что д'Артаньян собирается разбить окно, а не Афродиту. – Туда попасть тоже весьма непросто, этого добиваются дворяне со всей страны. Вам даже выдадут форму – не мушкетерскую, конечно, но тоже весьма престижную. Сейчас я вручу вам грамоту, с которой вам следует пойти в...

Лесли Нильсен не успел договорить, как д'Артаньян, смотревший в окно, неожиданно изменился в лице и выхватил шпагу с криком:

– Это он! Письмо у него! Ну, уж нет, на этот раз ты от меня не уйдешь, негодяй!

Продолжая что-то кричать, д'Артаньян рванулся к двери, Лесли Нильсен, вскрикнув, вскочил было из-за стола, но было уже поздно – д'Артаньян ошибся дверью, рванул дверь на себя и стремительно прыгнул в шкаф, где стояла статуя Афродиты.

Послышался звон, треск, хруст, стук и звук удара. Д'Артаньян, пошатываясь, вышел из шкафа, потряс головой, стряхивая с волос осколки Афродиты, пробормотал «Прошу прощения, дико извиняюсь», потом, сориентировавшись в пространстве, рванул на себя дверь, выходящую в приемную, и вылетел из кабинета.

Лесли Нильсен со стоном упал в кресло, не отрывая глаз от разбитой Афродиты, в которую д'Артаньян влетел и придавил статую к стене, в результате чего она превратилась в кучу осколков. Пару минут Лесли Нильсен сидел, сжав кулаки, глядя на свою Афродиту и произнося нечленораздельные жалобно-яростные звуки. Наконец, он вышел из ступора и крикнул:

– Жак! Ко мне!

В кабинет вошел слуга, поглядел на Лесли Нильсена, на Афродиту, потом снова на Лесли Нильсена.

– Какие будут приказания, сэр? – спросил Жак.

– Дюмона ко мне! – простонал Лесли Нильсен. – Он у меня лично будет Афродиту склеивать! Пусть клей захватит. Да, и еще... – Лесли Нильсен снова поглядел в листок с пророчествами, лежавший на столе. – Атос там на лестнице валяется, прикажите друиду с шаманом, чтобы привели его в чувство.

– Откуда вы знаете? – спросил Жак.

– Я ж ясновидящий сенцей королевских мушкетеров! – воскликнул Лесли Нильсен. – Быстро выполнять!

– Есть, сэр! – сказал Жак и убежал.

Лесли Нильсен продолжал сидеть, глядя на останки Афродиты. Наконец он произнес:

– Да, зря Арамис вчера насморк подхватил.

Как д'Артаньян нечаянно вылечил Атоса

Вернемся все же к д'Артаньяну, который не видел и не слышал всего того, что произошло в кабинете после его стремительного отбытия. Д'Артаньян буквально пролетел сквозь приемную, выскочил на улицу, пролетев мимо Картуша с Фанфан-Тюльпаном, которые мирно беседовали, поискал взглядом Рошфора и, не найдя, стремительно понесся по лестнице вниз. К несчастью, по лестнице в этот момент спускался Атос, которого д'Артаньян со спины не узнал. Атос только что вышел на улицу после процедуры лечения золотом. Во время этой процедуры друид и шаман дружно отметили, что хотя Атос и пошел на поправку, к нему еще не вернулась заинтересованность в жизни.

Так вот, незаинтересованный в жизни Атос спускался по лестнице как раз в тот момент, когда по той же самой лестнице бежал вниз д'Артаньян. Д'Артаньян вертел головой, высматривая Рошфора, и совершенно не замечал, что у него под ногами. Так он и налетел со всей дури на Атоса.

Благородный Атос, совершенно не ожидавший удара в спину, потерял равновесие, упал. Д'Артаньян, споткнувшись, упал на него, и оба они покатались вниз по лестнице. Когда лестница кончилась, д'Артаньян крикнул: «Прошу прощения!», хотел было встать и побежать дальше, но его схватила за шиворот железная рука. Обернувшись, д'Артаньян узнал Атоса, который держал его. Судя по тому непечатному монологу, который Атос произносил где-то с минуту, к нему полностью вернулась заинтересованность в жизни и, будь здесь друид с шаманом, они бы с удовольствием отметили этот факт. Д'Артаньян, только что узнавший Атоса, принялся извиняться.

– Вы надеетесь обойтись извинениями, сударь? – спросил Атос. – Да вы меня чуть не убили!

– Послушайте, сударь, я очень сожалею, что так вышло, но дело в том, что сейчас я гонюсь за одним человеком, и как вы понимаете, я очень спешу, – ответил д'Артаньян. – Так что, если вам угодно, я готов принести вам все возможные извинения, но несколько позже.

– Одними извинениями вы не обойдетесь, юноша! – воскликнул Атос. – Жду вас сегодня в полдень на пустыре около королевского дворца на окраине, там, где руины старой крепости. Надеюсь, вы найдете место?

– Обязательно, – кивнул д'Артаньян. – Я найду место и буду там, если, конечно, вы отпустите меня сейчас, чтоб я мог продолжать погоню!

– С удовольствием, – сказал Атос, отпуская д'Артаньяна. – Только не сшибите по дороге еще кого-нибудь.

Но д'Артаньян его уже не слышал – он гнался за Рошфором по парижским улицам. Атос же, почувствовав слабость, вынужден был присесть на ступеньку лестницы.

Друид и шаман, посланные по приказу Лесли Нильсена, быстро нашли Атоса. Прислонясь спиной к парапету, тот матерился как извозчик. Друид и шаман отметили, что жизненные силы возвращаются к мушкетеру, побывавшему по ту сторону смерти. Это был явный прогресс и поспособствовал ему не кто иной, как д'Артаньян!

Мэйд ин Чайна

Невольный целитель д'Артаньян бежал по узкой улочке и заметил, что впереди путь ему преградил Портос, который с трудом помещался в узком проходе между домами. Портос беседовал с кем-то из сновидящих гвардейцев. Подувал легкий ветерок, и Портос кутался в плащ, так что никто не мог толком разглядеть его прекрасную, расшитую золотом перевязь. А по улочке уже бежал д'Артаньян с обнаженной шпагой в руке.

На крик д'Артаньяна «Берегись!» Портос слегка повернул голову в сторону крика и увидел, что на него несется сам черт со шпагой в руке. Не успел Портос вытащить свою шпагу, как этот самый черт попытался проскользнуть между спиной Портоса и стеной, но запутался в плаще и разрезал плащ своей шпагой. Портос дернул плащ на себя, но заметил, что от плаща мало что осталось. Д'Артаньян, запутавшись в остатках плаща Портоса и споткнувшись, упал на землю и принялся энергично выпутываться из куска черной ткани. В этот же момент гвардейцы заметили, что перевязь Портоса была расшита золотом лишь спереди, а сзади на ней красовалась вышитая желтыми нитками крупная надпись «Made in China». Гвардейцы дружно подняли Портоса на смех.

– Вот теперь-то мы тебе верим, Портос, – рассмеялся один из гвардейцев. – Верим, что ты купил эту перевязь на свои деньги. Такие перевязи пачками продаются на китайском рынке и покупают их лишь бедные провинциальные дворянчики. Уж лучше бы тебе ее подарили какая-нибудь герцогиня, тогда это была бы перевязь, а не фальшивка.

Буркнув что-то грозное в адрес гвардейцев, Портос повернулся к д'Артаньяну, решив сорвать на нем гнев. Д'Артаньян как раз успел выпутаться из плаща и хохотал громче всех, увидев на перевязи Портоса надпись «Made in China». У самого д'Артаньяна таких перевязей было две дюжины, он их покупал еще в Марселе на все случаи жизни.

– Что вы так ржете, сударь?! – воскликнул Портос, вытаскивая шпагу. – Какого черта вы носитесь по улицам, как бешеный?

– Я гонюсь за одним человеком, – сказал д'Артаньян, встав и согнувшись от хохота.

– Вы что, глаза забываете, когда за кем-то гонитесь?! – воскликнул Портос.

– Что вы, сударь! – со смехом воскликнул д'Артаньян. – Мои глаза при мне и все еще отличают реальное от мнимого!

– Я прикончу вас прямо сейчас! – яростно крикнул Портос и рубанул со всей силы.

К счастью, д'Артаньян увернулся, а шпага Портоса осталась торчать в стене.

– Я думаю, что прямо сейчас это сделать будет затруднительно, – усмехнулся д'Артаньян. – Возможно, позже? Когда вам угодно?

– Сегодня я буду ждать вас в час дня около руин старой крепости, – крикнул Портос. – Надеюсь, дорогу найдете.

– Около руин старой крепости в час? – переспросил д'Артаньян. – С превеликим удовольствием, сударь, а сейчас, с вашего позволения, я продолжу свою погоню!

И д'Артаньян убежал, оставив Портоса избавляться от хвастовства и чувства собственной важности.

Между тем, д'Артаньян обежал уже весь центр Парижа, а Рошфора нигде не было – он просто телепортировался, когда почувствовал телепатический вызов из кардинальского дворца. Д'Артаньян еще немного побродил по улицам со шпагой в руке, но понял, что лучше все же вложить ее в ножны. Переводя дыхание, он подумал, который час и хватит ли у него времени, чтобы зайти домой. Оглядевшись по сторонам, д'Артаньян заметил невдалеке китайский рынок. Часов у нашего героя не было, а здесь их можно было приобрести по дешевке. Как правило, время они показывали неверно, зато смотрелись стильно.

Походив по рынку, поглядев на цены и мысленно пересчитав свои сбережения, д'Артаньян решил просто спросить у китайца, торговавшего часами, который сейчас час. Находчивый китаец тут же ответил:

– С вас два эю, господин!

– За что? – удивился д'Артаньян.

– За информацию, – ответил китаец. – У нас же информационное общество на дворе, господин! Даже мы, скромные китайские эмигранты, поспеваем за прогрессом.

– Черт бы побрал этот прогресс, – пробормотал д'Артаньян и полез в карман за монетами. Достав пару монет, он спросил у китайца. – Послушай, любезный, а за эти две монеты не мог бы ты подсказать мне дорогу к развалинам старой крепости?

– И время вам подсказать? – спросил китаец.

– И время, – кивнул д'Артаньян.

– Четыре эю, – сказал китаец.

Д'Артаньян, выругавшись и покрыв матом всю китайскую эмиграцию, заплатил за информацию четыре эю.

– Сейчас половина двенадцатого, вам по той вон улице направо, – сказал китаец, получив монеты. – Не желаете узнать еще что-нибудь? Прогноз погоды, курс евро? Может быть, хотите приобрести французско-китайский разговорник?

– Некогда, – ответил д'Артаньян. – У меня сегодня встреча. Даже две.

О проблеме утилизации носовых платков

Направляясь к развалинам старой крепости, д'Артаньян думал о том, что пора бы прекратить бегать по Парижу и назначать дуэли.

«Е-мое, если меня сегодня убьют, я вряд ли смогу стать мушкетером, – подумал д'Артаньян, топая по мостовой. – Перед Атосом я, конечно, извинюсь, и если учесть его состояние, возможно, он не захочет драться и у нас будет возможность уладить дело миром. А насчет Портоса... Да, до обеда я вряд ли доживу. Ну что ж, по крайней мере, сэкономлю на фастфуде».

Топая по мостовой, д'Артаньян увидел впереди Арамиса, который о чем-то беседовал с каким-то дворянином.

«Надо бы сегодня совершить хоть одно доброе дело, – подумал д'Артаньян, подходя к ним. – О, а вот как раз и подходящий случай!»

Дело в том, что под ногами у Арамиса валялся носовой платок, который мушкетер, кажется, обронил. Д'Артаньян подошел к Арамису и его собеседнику и обратился к ним со словами:

– Простите, что перебиваю, господа, но, похоже, один из вас обронил платок. Позвольте оказать вам услугу.

С этими словами д'Артаньян поднял платок, хотя Арамис предварительно на него наступил, чуть не отдавив д'Артаньяну палец.

– Возьмите, пожалуйста, – сказал д'Артаньян, подавая платок Арамису.

– Боюсь, вы ошиблись, сударь, это не мой платок, и мне он совершенно не нужен, – сказал Арамис. – Можете вернуть его на место.

– Да нет же, возьмите! – сказал д'Артаньян, настойчиво засовывая платок в карман Арамиса.

Арамис подпрыгнул от неожиданности, вытащил платок из кармана и бросил его на землю, после чего принялся оттирать карман перчаткой с криком:

– Да вы с ума сошли! Этот платок валялся на земле, я наступал на него сапогом, да и потом, я в него только что высморкался! А камзол к моей парадной форме шил сам брат Сен-Лоран из дзенской общины! Вы с ума сошли портить такую дорогую вещь как карман моего камзола! Черт побери! Любой, кто посадит пятно на мой камзол, будет смывать его кровью!

– Черт побери, опять! – воскликнул д'Артаньян. – Прошу вас, простите меня, я и понятия не имел! У меня есть знакомый в химчистке, он все отстирает так, что даже следов не останется!

– Ну, уж нет, молодой человек! – сказал Арамис. – Дело не только в том, что вы испачкали мой костюм. Сегодня вы случайно услышали, как наш сенцей изволил орать на нас, а это не полагается слышать посторонним. В два часа пополудни у руин старой крепости я с удовольствием проткну вас моей новой парадной шпагой.

– В два часа у руин старой крепости? – спросил д'Артаньян. – Отлично, черт побери, просто отлично, господин Арамис. Буду ждать, если доживу. Прощайте.

И д'Артаньян с Арамисом разошлись в разные стороны. Арамис пошел искать Портоса, а д'Артаньян поплелся к руинам старой крепости, раздумывая над тем, что пока еще мало кому удавалось три раза умереть за один день.

«Возможно, Атос сумеет быстренько научить меня секретам не-делания смерти? – подумал д'Артаньян, подходя к руинам. – Мне бы это очень пригодилось, потому что если сегодня к обеду я останусь в живых, то во мне будет торчать шпага-другая».

Дуэль

К руинам старой крепости д'Артаньян подходил не с самыми веселыми мыслями. Светило солнце, по небу изредка проплывали облачка, подувал легкий ветерок. Д'Артаньян издаleка увидел Атоса, сидящего на камне и любовавшегося солнечными бликами на клинке своей шпаги.

– Простите, если я опоздал, сударь, – сказал д'Артаньян. – Просто у меня нет часов, и мне пришлось спрашивать время на китайском рынке. Этот проклятый китаеза содрал с меня четыре эю!

– Так много? – удивился Атос.

– Так я у него еще и дорогу спросил, – вздохнул д'Артаньян. – Теперь больше не буду заходить на китайский рынок.

– Что ж, вы почти не опоздали, молодой человек, – сказал Атос. – Тем более что мои секунданты тоже задерживаются. Понятия не имею, где их носит, но я думаю, у них есть веские причины для опоздания.

Как раз в этот момент из-за поворота дороги показались две фигуры, в одной из которой можно было с легкостью узнать Портоса, а, приглядевшись, во второй фигуре – Арамиса.

– А, вот и они! – довольно произнес Атос. – Что ж, теперь ничто нам не помешает.

Портос и Арамис, подойдя к Атосу и д'Артаньяну, изумленно вылупились на последнего.

– Атос, неужели ты дерешься с этим господином? – изумленно воскликнул Портос, надевший вместо плаща новую накидку.

– А что, нельзя? – спросил в свою очередь Атос.

– Но ведь я дерусь с ним именно здесь! – воскликнул Портос.

– Да, но в час дня, – заметил д'Артаньян.

– И я, между прочим, тоже дерусь здесь с этим господином, – вставил Арамис.

– Но только в два часа, – заметил д'Артаньян.

– Интересно, – Атос почесал в затылке. – Молодой человек, а где же ваши секунданты?

– А у меня их нет, – ответил д'Артаньян. – Я только вчера прибыл в Париж.

– Нормально, – пробормотал Атос. – Арамис, почему ты дерешься с этим господином?

– Он испачкал мой парадный камзол, – ответил Арамис. – А ты, Атос?

– Он столкнул меня с лестницы, – ответил Атос. – Портос, что у тебя?

– А я просто дерусь! – воскликнул Портос.

– Господину Портосу я порвал плащ, – ответил д'Артаньян.

– И это тоже, – кивнул Портос.

– Все ясно, – сказал Атос. – Позвольте полюбопытствовать, молодой человек, а зачем вы вообще прибыли в Париж?

– Мне было предсказано, что я стану тридцать третьим мушкетером, – ответил д'Артаньян.

Атос, Портос и Арамис охнули.

– Вы это серьезно? – спросил Арамис.

– Совершенно серьезно, господа, – ответил д'Артаньян. – И прежде чем мы начнем, мне хотелось бы принести вам всем извинения.

– Если вы хотите отделаться словесными... – начал было Портос, но д'Артаньян прервал его.

– Ни в коем случае, господа, у меня и в мыслях не было отказываться от дуэли, – сказал д'Артаньян. – Просто я почти уверен, что господин Атос справится со мной минут за пять, и несмотря на это, я хочу принести вам, господин Атос, глубочайшие извинения за то, что я толкнул вас. Право же, это было очень неразумно с моей стороны. Теперь вы, господин Портос.

Если я каким-то чудом вообще останусь жив и буду иметь честь скрестить с вами шпаги, я думаю, вы тоже справитесь со мной довольно быстро, однако до вас очередь может и не дойти, если я буду убит господином Атосом, а этот факт почти не вызывает у меня сомнения. Тем не менее, я приношу вам свои глубочайшие извинения по поводу происшедшего инцидента. Вам же, господин Арамис, я могу сказать лишь то, что наверняка не доживу до поединка с вами, и с моей стороны было очень глупо пачкать ваш камзол и соглашаться на дуэль с вами, зная, что никак не смогу принять в ней участие. И позвольте принести вам извинения за порчу камзола. У меня совсем мало денег в кошельке, но после моей смерти можете забрать мой кошелек и потратить все мои скудные сбережения на химчистку вашего камзола. Таково мое завещание. Блин, у меня ведь еще имение осталось... Его тоже надо кому-то завещать, а времени об этом подумать нет... Ну да ладно, дальние родственники сами разберутся. Ну что ж, господа, начнем?

Д«Артаньян выхватил шпагу из ножен и сделал шаг вперед. Мушкетеры заплодировали.

– Браво! – сказал Атос. – Я восхищаюсь вами, молодой человек! Вы встречаете смерть как настоящий человек дзен! Поздравляю! Если бы нам всем повезло встретить смерть так же беззаботно, как встречаете ее вы! Мне даже почти что жаль вас убивать.

– Я принимаю ваши извинения по поводу моего плаща, – сказал Портос. – И все же, если вы доживете, я буду рад скрестить с вами шпаги.

– А я должен сказать, что я не такой мелочный, как вы думаете, – сказал Арамис. – Я принимаю ваши извинения, но мне вовсе не нужен ваш скудный запас мелочи. Что я вам, банкир-скряга? Я дворянин и хорошо понимаю, что с монетой у нашего сословия обычно плоховато. А камзол я уж как-нибудь вычищу и без вашей помощи. Ну что ж, если с формальностями покончено, давайте и в самом деле начнем, господа. Я прошу вас поторопиться, так как у меня сегодня вечером важное свидание с одной высокопоставленной особой.

– Погодите, но если этот молодой человек и в самом деле – будущий тридцать третий мушкетер, то это ставит перед нами проблему, – заметил Атос. – Представляете, что сделает сенцей с тем, кто убьет тридцать третьего мушкетера? Мне бы не хотелось проверять это на себе.

– Да ладно, Атос, у нас кандидатов в тридцать третьего мушкетера – пол-Франции! – воскликнул Портос. – Если жалеть каждого пройдоху, который...

– Погодите, молодой человек, кто вам предсказал, что вы станете тридцать третьим мушкетером? – спросил Атос. – Цыганка?

– Нет, это было во время астрального путешествия, – ответил д'Артаньян. – Черный призрак в мушкетерской форме...

Магическая дуэль

Закончить д'Артаньян не успел – из-за поворота дороги показался отряд молящихся гвардейцев кардинала. Все они были одеты в черные рясы и распевали что-то мрачное.

– Глядите-ка, друзья, гвардейцы кардинала! – воскликнул Портос. – Это наш шанс отличиться в глазах сенцев!

– Но их пятнадцать человек, а нас трое, – возразил Арамис.

– Зато это была бы настоящая глупость, если бы мы ввязались в бой, – заметил Атос.

– Действительно, настоящая глупость, – кивнул Арамис. – Ты не помнишь, чем сейчас награждают за настоящие глупости?

– Не помню, – ответил Атос. – Но, уверен, что награждают за них щедро.

Между тем поющие гвардейцы кардинала подошли к мушкетерам, и один из гвардейцев, видимо, главный, вышел чуть вперед и начал бубнить:

– Доброе утро, господа мушкетеры, помилуй вас бог, безбожников, ибо будете вы жариться в преисподней, если не попросите прощения у всех бедных и угнетенных, не отдадите добровольно все имущество господину кардиналу и не вступите в наши ряды. И все же мы рады вас видеть! Но не для такого ли безбожного дела, как дуэль, вы собрались в этом уединенном месте? Как хорошо, что господь направил нас на эту тихую тропинку, ибо только мы сможем предотвратить ваше грехопадение и спасти ваши души от пламени ада и Гиены Огненной! Покайтесь же, неверные, неразумные рабы господя нашего, бросьте эти шпаги, отдайте добровольно все ваше имущество господину кардиналу, вступите в наши ряды и обретите душевный покой...

– А если бы мы и собирались драться, вам-то что за дело? – спросил Портос. – Отойдите в сторонку и не мешайте, господа, а если вам противно на это смотреть, отвернитесь.

– Как верные рабы господя и слуги господина кардинала, мы не можем позволить твориться злу в мире и так или иначе, а нам придется вас остановить, – сказал гвардеец кардинала, доставая шпагу. – Мы не можем позволить вам совершить такой тяжкий грех, как убийство, и мы будем вынуждены отправить вас на небеса, если вы не отступитесь и не отдадите добровольно все ваше имущество господину кардиналу. Мы уьем вас, но будем денно и ночью, без перерыва, молиться за ваши души, дабы не попали они к Гиене Огненной, что живет в темном царстве Саддама Бен-Ладена. Мы будем молиться, чтобы ваши грешные души попали в светлое царство Блина Клинтонна, и тогда, возможно, после тысячелетий, проведенных в сибирском чистилище, вы сможете, наконец, пробиться к светлому пути Арнольда Шварценеггера...

– И все-таки, это глупость, – обратился Атос к Портосу. – Нас трое, а их пятнадцать. Не факт, что мы уцелеем, а опять бегать по Парижу с тремя шпагами в теле мне как-то не очень хочется.

– Но не можем же мы отступить! – воскликнул Портос.

– Верно, не можем, – сказал Арамис. – Тогда совершим эту глупость, господа. И не дай бог, если эти козлы станут за нас молиться. Так они могут любого придурка из нирваны вытащить!

– Это точно, – сказал Атос. – Тем более надо сражаться, авось, нашим братьям в нирване станет полегче, когда на этом свете поубавится число плакальчиков.

– Простите, господа, вы говорили, что вас трое, а мне кажется, что нас четверо, – сказал д'Артаньян. – Мы с ними справимся.

– Не лезьте в эти дела, молодой человек, пока душа ваша чиста и незапятнанна грехом, если не считать, конечно, что все мы грешны с момента рождения и даже до момента рождения, ибо непогрешим лишь Романский Поп и, конечно же, господин кардинал, которому вы отда-

дите все свое имущество, дабы не жариться в царстве Саддама Бен-Ладена, ангела тьмы... – завел свою бесконечную пластинку гвардеец кардинала.

– Вы же не мушкетер, – обратился Арамис к д'Артаньяну, не обращая внимания на бормочущих мантры гвардейцев. – Вы еще можете спокойно уйти, отказавшись от дуэли.

– Я мушкетер, – ответил д'Артаньян. – Пусть я не ношу мушкетерский плащ, но я буду его носить. А если не буду, то с радостью умру за возможность стать мушкетером!

– Это поразительная глупость, я сразу понял, что вы наш человек! – с удовольствием воскликнул Атос, пожимая руку д'Артаньяну. – Могу я узнать ваше имя, о, храбрый кандидат в мушкетеры?

– Меня зовут д'Артаньян, сударь, – ответил д'Артаньян.

– Очень приятно, господин д'Артаньян, – сказал Атос.

– Мне тоже, – сказал Портос, пожимая руку д'Артаньяну.

– И мне, – сказал Арамис, тоже пожав д'Артаньяну руку.

– Ну что, господа, зададим жару этим раздолбаям в мантиях? – спросил Атос.

– Да!!! – хором ответили Портос, Арамис и д'Артаньян, вставая в боевые стойки.

– Тогда вперед, – сказал Атос.

– Вперед!!! – крикнули четверо мушкетеров и атаковали пятнадцатерых гвардейцев.

Гвардейцы одним движением выхватили шпаги из ножен, и завязалась драка.

По самым простым подсчетам, которые попытался осуществить д'Артаньян, с детства не друживший с математикой, на каждого мушкетера приходилось в среднем по четыре противника. До сих пор д'Артаньяну не приходилось сражаться со столькими противниками одновременно, просто потому, что в обеих его деревнях было только два человека, владеющих шпагой, причем одним из этих двоих был сам д'Артаньян. Однако наш герой был полон решимости научиться правилам боя с четырьмя противниками прямо по ходу боя. Отбив удары четырех шпаг, он принялся наносить ответные удары, царапнул одного из гвардейцев, столкнул друг с другом двух других, увернулся от выпада четвертого и снова начал отвечать на удары. Краем глаза наш герой подмечал, как же сражаются мушкетеры. А сражались они весьма занимательно.

Арамис сотворил трех астральных двойников, и все двойники довольно успешно отбивали атаки гвардейцев. Портос прибегнул к телепортации и телепортировался с такой частотой, что в один момент даже столкнулся с самим собой. Таким образом он основательно запутал гвардейцев и успел проткнуть двоих. Теперь гвардейцев осталось тринадцать, это несколько уравнивало шансы.

Атос справлялся со своими противниками весьма экзотическим способом, который в учебниках назывался «Взгляд Бельфегора». Отбив четыре выпада, проведя четыре атаки и расцарапав каждому из противников лицо, Атос на секунду остановился и заглянул в глаза того гвардейца, который оказался рядом. Обычно такое действие требовало времени, а времени-то как раз не было, поэтому Атос сыграл на эмоциональном состоянии гвардейца, то бишь, на его страхе. Заглянув в глаза противника, а глаза, как известно, зеркало души, Атос вытащил из самых глубин его души самый жуткий страх. Атос не знал, что увидел гвардеец, но только гвардеец этот в то же мгновение проткнул себя собственной же шпагой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.